

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Сергей МОСКВИН

МАСТЕР-КЛАСС
ДЛЯ ДИВЕРСАНТА

Сергей Москвин

Мастер-класс для диверсанта

«ЭКСМО»

2003

Москвин С. Л.

Мастер-класс для диверсанта / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2003

За этот выстрел «вражьи» спецслужбы готовы заплатить миллион долларов. Но снайпер потребовал два. Еще бы: на прицеле – премьер России! Один точный выстрел – и изменится ход чеченской войны, Россия потеряет Кавказ. Сквозь оптический прицел снайпер видит, как на аэродром въезжает кортеж премьера. А в это время цепочку следов, оставленных снайпером на снегу, обнаруживает охрана. Успеет ли она? Ведь через минуту премьер выйдет из машины, а палец диверсанта уже на курке... Роман издавался под названием «Туз в рукаве».

© Москвин С. Л., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

ЧАСТЬ I	5
1	5
2	8
3	10
4	13
5	15
6	19
7	23
8	25
9	31
10	37
11	39
12	41
13	44
14	47
15	51
16	54
17	59
18	61
19	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Москвин

Мастер-класс для диверсанта

ЧАСТЬ I

1

Локтионов

19.X, вторник, 09.15

Начальник Управления по борьбе с терроризмом ФСБ России формально не являлся членом Совета безопасности, как не являются членами Совбеза руководители различных управлений всех силовых структур. Но, учитывая, что последнее время Совет безопасности был занят в основном проблемой борьбы с терроризмом, генерал-майор Локтионов, возглавляющий антитеррористическое управление ФСБ, неизменно приглашался на все совещания.

На сегодняшнем заседании Совета безопасности подводились итоги первого этапа антитеррористической операции в Чечне. Генерал Локтионов сидел по правую руку от своего начальника, директора ФСБ, и слушал выступление руководителя другого силового ведомства. Выступал директор Федерального агентства правительственной связи и информации. Он тоже пришел на совещание не один. Вместе с директором ФАПСИ здесь был начальник одного из его подразделений – Управления радиотехнической разведки.

* * *

Заседание Совета безопасности началось по обычной схеме. Первым выступал министр обороны. Он сообщил, что к 16 октября федеральные войска практически полностью заняли господствующие высоты на границе Чечни с Дагестаном и Ингушетией, закрепились на левом берегу Терека и на Терском хребте. Таким образом, три северных района Чечни оказались отрезанными от остальной территории республики. Министр обороны заявил, что сопротивление боевиков в этих районах полностью подавлено, сейчас российскими войсками совместно с силами Министерства внутренних дел проводится поиск и уничтожение их разрозненных групп.

Слово взял директор Федерального агентства правительственной связи и информации, и это вызвало заметный интерес у присутствующих, так как директор ФАПСИ на заседаниях Совбеза выступал нечасто. Действительно, что мог сказать о проблеме борьбы с терроризмом руководитель ведомства, которое не проводит оперативно-следственных действий? Тем не менее его слушали с не меньшим вниманием, чем даже министра обороны.

– ...Таким образом, можно сделать вывод, что разведслужбы арабских стран и особенно Турции проявляют повышенный интерес к группировке российских войск на Северном Кавказе, – в заключение своего выступления заявил директор ФАПСИ. – Как новое направление разведустремлений мы отмечаем повышенное внимание к снабжению нашей военной группировки. Я имею в виду контроль за переброской воинских частей, техники, оружия, боеприпасов, осуществляемой наземным и воздушным путем.

Его последние слова насторожили Локтионова. О проявлении интереса арабских спецслужб к военным поставкам на заседании Совета безопасности сообщалось впервые. Генерал Локтионов с интересом посмотрел на начальника Управления радиотехнической разведки,

пришедшего на совещание вместе с директором ФАПСИ. «В ФАПСИ нет других подразделений разведки, кроме Управления РТР¹, – вспомнил генерал Локтионов. – Следовательно, директор ФАПСИ мог получить подобную информацию только из этого управления. Вот и начальника управления он привел с собой специально на тот случай, если у присутствующих возникнут вопросы и придется что-то уточнить». Вопросы ни у кого не возникло, и директор ФАПСИ сел на место.

У самого Локтионова вопрос был, он решил при всех его не задавать, а подождать до перерыва и лично переговорить с Плотниковым, начальником Управления радиотехнической разведки ФАПСИ.

Плотников сам подошел к Локтионову.

– Здравствуйте, Олег Николаевич. У меня создалось впечатление, что вы хотите у меня что-то спросить.

– Как я понимаю, сегодняшний доклад директора ФАПСИ основывался на информации вашего Управления?

Вопрос Локтионова прозвучал скорее как утверждение, поэтому Плотников счел, что можно не отвечать.

Локтионов между тем продолжал:

– Михаил Тимофеевич, я из доклада так и не понял, о какого рода разведустремлениях шла речь. Я не хочу вторгаться в область вашей деятельности и выпытывать профессиональные секреты, но все же объясните, что ваш директор имел в виду под этими словами?

– Ну, я вижу, от вас ничего не скроешь, – усмехнулся Плотников. – В общем, произошло следующее. Наша служба выяснила, что у своих партнеров по НАТО Турция запросила данные космической разведки об обстановке на Северном Кавказе. Причем разведку Турции интересовало не продвижение российских войск в глубь Чечни, а снабжение нашей объединенной Северо-Кавказской группировки. Турция запросила данные об объеме военных поставок, о загруженности транспортных магистралей, о работе перевалочных баз и о способах охраны всех военных перевозок. Объединенное командование НАТО в Европе тут же предоставило турецкой разведке все интересующие ее сведения.

– Значит, теперь турецкая разведка знает буквально о каждом прибывающем на Северный Кавказ военном эшелоне или транспортном самолете, – обеспокоенно сказал Локтионов.

И снова его вопрос прозвучал как утверждение, поэтому Плотников опять промолчал.

– Но для чего Турции сведения о наших военных поставках? Неужели турецкая военная разведка собирается предпринять какую-то акцию?

– А эти данные запрашивала вовсе не военная разведка, – сказал Плотников. – Запрос был подписан руководителем турецкой внешнеполитической разведки генералом Даудом. Да и для криптографической защиты использовался групповой шестизначный шифр – как раз такой применяется для шифровки сообщений политической разведки.

Начальник антитеррористического управления изумленно уставился на руководителя Управления радиотехнической разведки.

– Информацию о наших военных поставках запрашивал шеф турецкой политической разведки генерал Султан Дауд? – переспросил Локтионов.

– Да.

– Но ведь это чисто военная информация. Она никак не может интересовать политическую разведку.

– Ну не знаю, Олег Николаевич. Я вам просто рассказал ситуацию. А выводы делать я не берусь. В вашей конторе есть своя аналитическая служба. Вот пусть она и объясняет, почему

---

¹ РТР – радиотехническая разведка.

руководитель турецкой политической разведки проявляет повышенный интерес к военной операции в Чечне. Наша задача – собирать сведения, а выводы из них делают другие.

До конца перерыва Локтионов размышлял об информации, полученной от начальника Управления радиотехнической разведки ФАПСИ: «Спецслужбы Турции, в том числе и внешнеполитическая разведка, поддерживают чеченских боевиков. Самому генералу Дауду сведения о российских военных поставках не нужны. Значит, он запрашивал их специально для чеченских боевиков. Ведомство генерала Дауда уже помогало чеченским террористам деньгами, военными инструкторами, а теперь еще и данными космической разведки».

Перерыв закончился. Все участники совещания вернулись на свои места. Выступили еще несколько человек. В заключение слово взял секретарь Совета безопасности. При определении первоочередных задач он не оставил без внимания и информацию, добытую ФАПСИ. Армии и ФСБ было поручено обеспечить безопасность военных поставок на Северный Кавказ. Локтионов видел, как сидящий рядом с ним директор ФСБ энергично делает пометки в рабочем блокноте. Обычно после каждого заседания Совета безопасности собиралась коллегия ФСБ, на которой директор службы безопасности ставил задачи отдельным управлениям. Генерал Локтионов понимал, что на этот раз задачи распределятся между Управлением стратегических объектов и транспорта и подчиненным ему Управлением по борьбе с терроризмом.

2

Служебная переписка 19.X, вторник

Начальнику Генерального штаба

Вооруженных сил Российской Федерации

Оперативная обстановка на чеченском театре военных действий за последние десять суток (по 19 октября включительно) характеризуется следующими основными факторами:

– успешными наступательными действиями федеральных войск и отсутствием при этом сплошной линии фронта;

– освобождением северных равнинных районов Чечни от банд боевиков. При этом наиболее интенсивные бои велись за станицы Наурская, Червленая, Шелковская и поселок Горгорский;

– вытеснением банд боевиков за Терский хребет и концентрацией их в центральных и южных районах Чечни;

– наличием на освобожденной территории Чечни остаточных, разрозненных групп боевиков, пытающихся укрыться в холмистой местности, а также в селах под видом мирных жителей.

19.10.1999 г.

Начальник штаба федеральных сил на Северном Кавказе генерал-майор ТРЕФИЛОВ

Командующему федеральных сил на Северном Кавказе

Аэросъемка местности и допросы захваченных боевиков подтверждают данные армейской разведки о том, что вытесненные из северных районов Чечни боевики сосредотачиваются на отдельных направлениях и в наиболее удобных для обороны населенных пунктах, где рассчитывают нанести наибольший урон федеральным силам. Наибольшее сосредоточение боевиков замечено в городах Грозный, Гудермес, Урус-Мартан, а также в районных центрах Аргун, Сержень-Юрт, Ведено, Бамут. В этих населенных пунктах спешно создаются многоуровневые линии обороны, а также запасы оружия и боеприпасов. Крупные партии оружия, боеприпасов, теплой одежды и продовольствия чеченские боевики переправляют в горное селение Итум-Кале, где они намереваются создать свою базу на случай ведения боевых действий в горах. По нашим сведениям, чеченские полевые командиры планируют перевести в Итум-Кале учебно-тренировочный лагерь, ранее располагавшийся в селении Бамут.

19.10.1999 г.

Начальник разведуправления объединенной

группировки федеральных сил

генерал-майор БАЛОБАНОВ

Министру обороны Российской Федерации

Копия: Начальнику Генерального штаба вооруженных сил

Начиная с апреля на одной из правительственных дач в пригороде Тбилиси проживает с группой своих людей и пятнадцатью охранниками вице-президент самопровозглашенной республики Ичкерия Муса Арсенов, имевший неоднократные встречи с госминистром и президентом Грузии. В последнее время Арсенов пытается добиться от Тбилиси согласия на создание, в случае резкого усиления давления России на Чечню, «тыловой зоны» в приграничных районах Грузии. Он провел несколько встреч с представителями грузинских силовых структур, на которых ставил вопрос о гарантиях того, что участок грузино-российской границы ни

при каких обстоятельствах не будет перекрыт полностью. На переговорах также высказывалось пожелание о пропуске в республику беженцев из Дагестана. На самом деле речь шла о чеченских боевиках, которых, под видом беженцев, планируется выводить в Грузию на отдых и переформирование.

19.10.1999 г.

*Начальник Главного разведуправления
Министерства обороны России
генерал-лейтенант ДАНИЛОВ*

*Командующему федеральных сил
на Северном Кавказе*

С начала проведения антитеррористической операции в Чечне через грузино-российскую границу на территорию Чечни из Грузии проникло не менее 300 боевиков из числа сторонников бывшего президента Гамсахурдиа. По надежно действующим «окнам» на границе на помощь сепаратистам также прибывают все новые наемники из стран Ближнего Востока. Этот же канал используется и для переправки денежных средств для чеченских террористов.

По оперативным данным, чеченские боевики имеют свои базы в Панкисском ущелье Ахметовского района Грузии, откуда в Чечню поступают оружие и боеприпасы. В то же время боевики активно готовят пути отхода на территорию Грузии и уже начали создавать базы в Кодорском ущелье.

19.10.1999 г.

*Начальник Главного разведуправления
Министерства обороны России
генерал-лейтенант ДАНИЛОВ*

3

Инвестор 20.X, среда, 10.00

Ослепительной белозубой улыбкой портье старался подчеркнуть свое радушие и особое отношение к гостю. Гость тоже ответил мягкой улыбкой, но зубов при этом не показал.

– Как жаль, что вы нас так быстро покидаете, господин Керим, – не переставая улыбаться, заметил портье.

– Есть время для отдыха и есть время для дела, – рассудительно ответил гость. – Нельзя слишком много предаваться отдыху, иначе лень убьет вас.

– Вы безусловно правы, господин Керим. – Портье даже кивнул в знак согласия и улыбнулся еще шире. – Все же вы так мало пробыли у нас, всего два дня.

Служащие любого отеля должны быть обходительны со своими клиентами. Но на этот раз любезность портье объяснялась не только профессиональной привычкой. Турецкий бизнесмен Абдул Керим был очень заметным постояльцем отеля, а портье сожалел по поводу отъезда каждого обеспеченного клиента.

Поздняя осень – самая выгодная пора для туристического бизнеса на Кипре. В северных странах уже лежит снег. И богатые европейские туристы, желая продлить для себя лето, отправляются на Средиземное море. Поздняя осень – время, когда хозяева отелей на Кипре получают самую богатую выручку. Но даже в период наплыва туристов в отеле «Морской пират» множество свободных номеров. Вроде бы и цены в «Морском пирате» не выше, чем в других отелях, но все же он не пользуется популярностью у туристов. Все служащие, включая и улыбающегося портье, знают этому причину. Всему виной те самые мелочи, которые называют разнообразным сервисом. Вернее, их отсутствие.

– Еще что-нибудь, господин Керим? – поинтересовался портье, заметив, что постоялец задержался около стойки.

– Да, – ответил гость. – Несмотря на столь короткое пребывание, мне очень понравилось у вас. Поэтому мне хотелось бы высказать свою благодарность хозяину отеля.

– О, вы очень любезны, господин Керим, – смущенно забормотал портье. – Но дело в том, что хозяин отеля очень занятой человек, и он, к сожалению, не сможет вас принять. Но вы можете быть абсолютно уверены, я передам ему ваши слова благодарности.

На памяти портье это был первый случай, когда клиент собирался высказать свою благодарность. Однако портье отлично помнил четкие указания хозяина отеля, запрещавшие приводить к нему кого бы то ни было.

Гость внимательно выслушал извинения портье. При этом легкая улыбка не исчезла с его лица, зато взгляд стал жестким.

– Вам, наверное, неизвестно, что я занимаюсь и туристическим бизнесом, – заявил гость. – И у меня есть для вашего хозяина деловое предложение, которое, я уверен, его заинтересует.

– Я, право, не знаю, что и делать... – растерянно проговорил портье.

– Вам и не надо ничего знать. Просто проводите меня к хозяину отеля.

Сказав это, гость шагнул к стойке и накрыл своей рукой руку портье. Его пальцы сомкнулись у портье на правом запястье. Тот скривился, когда гость своим большим пальцем нажал на какую-то болевую точку. Портье попытался выдернуть руку, но это ему не удалось. У бизнесмена оказалась просто мертвая хватка.

– Проводите меня к вашему хозяину, – повторил он и снова нажал на ту же болевую точку, на этот раз гораздо сильнее.

Портье судорожно закивал.

– Следуйте за мной, – только и смог он выговорить.

* * *

Хозяин отеля «Морской пират» оторвал взгляд от журнала, когда в дверь его комнаты осторожно постучали. Он еще не успел ничего ответить, как дверь распахнулась. На пороге стоял его портье и незнакомый турок. Хозяин вспомнил, что накануне видел его среди немногочисленных постояльцев своего отеля.

– Благодарю вас, – произнес турок.

Как понял владелец отеля, эти слова были адресованы портье, потому что последний быстро кивнул и скрылся в коридоре. Такое поведение портье очень не понравилось хозяину отеля, и он настороженно посмотрел на турка. Тот плотно прикрыл за собой дверь.

– Что привело вас ко мне? – наконец спросил владелец отеля.

– Бизнес, – улыбнулся незнакомец. – Бизнес и еще раз бизнес.

– Очень жаль, но мне не нужны партнеры, – ответил хозяин отеля.

Лицо посетителя показалось ему смутно знакомым.

Турецкий бизнесмен усмехнулся и развел руками.

– Что вы говорите, – посмеиваясь, сказал он. – А я уверен, что ваш отель просто нуждается в дополнительных инвестициях. Красивый бассейн, канатная дорога, ведущая к морю, теннисные корты, площадка для гольфа, прокат водных мотоциклов и аквалангов только привлекают к вам дополнительных туристов.

– Еще раз спасибо, но меня не интересуют ваши предложения, – повторил хозяин отеля.

Турок рассмеялся. Со стороны могло показаться, что категоричные отказы хозяина отеля просто забавляют его.

– Почему же не интересуют? – все еще продолжая смеяться, спросил турок. – Не будете же вы отрицать свою заинтересованность в увеличении притока туристов? А чтобы привлечь туристов, требуются значительные инвестиции.

– Спасибо, у меня уже есть инвесторы.

– Да? И где же вы их нашли, на страницах «Солдата удачи»? – Турок указал на журнал, который хозяин отеля читал перед его появлением.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – ответил хозяин отеля, торопливо пряча журнал в ящик своего стола.

– Ну хватит, господин Мордасов! – резко сказал турок.

Хозяин отеля вздрогнул при упоминании своей настоящей фамилии. А еще через секунду до него дошло, что последнюю фразу турок произнес по-русски.

– Так военный советник Керим и вы... – произнес хозяин отеля.

Теперь он окончательно узнал своего гостя.

– А что вас смущает, господин Мордасов? – Турок снова перешел на родной язык. – В отличие от вас, я путешествую по миру под своей настоящей фамилией, – сказал он и посмотрел в глаза хозяину отеля.

Следующие несколько секунд хозяин отеля «Морской пират», а в прошлом офицер российского спецназа Степан Мордасов, и профессиональный турецкий разведчик Абдул Керим смотрели в глаза друг другу. Мордасов первым нарушил паузу:

– Ну ладно, вы пришли ко мне, я перед вами. Что вам от меня нужно? Ведь вы явились сюда все же не для того, чтобы предлагать инвестиции в гостиничный бизнес.

– Ошибаетесь, господин Мордасов, – совершенно серьезно сказал Керим. – Я пришел к вам именно для этого. Я хочу предложить работу по вашему профилю, по вашему настоящему профилю.

– Ну нет, господин Керим. На этот раз у вас ничего не выйдет, – покачал головой Степан Мордасов. – Я больше не играю в такие игры. Мне вполне хватает моего отеля.

– Вы разочаровываете меня, господин Мордасов, – сокрушенно покачал головой Керим. – Неужели вы думаете, что я бы пришел к вам, не наведя справки о ваших финансовых делах? Мне отлично известно, что вы прочно увязли в долгах. Настолько прочно, что в любой момент можете потерять свой отель. Вы отличный солдат, но плохой бизнесмен. Вам срочно нужны деньги, чтобы рассчитаться с долгами. И я предлагаю вам способ эти деньги заработать.

– Да, мне действительно нужны деньги, – помолчав, отозвался Мордасов. – Но если даже я буду умирать с голоду, к вам я обращусь в последнюю очередь. От всех ваших предложений веет холодом могилы.

– Что вы скажете о миллионе долларов? – вместо ответа спросил Абдул Керим.

Мордасов замер, уставившись на Керима.

– Да, вы не ослышались. Речь идет о миллионе американских долларов. Вы сможете получить эту сумму в любой валюте по вашему выбору. Деньги, не облагаемые никакими налогами. Миллион долларов сможет решить все ваши проблемы.

– Что нужно сделать? – спросил Мордасов.

– Наконец-то мы перешли к делу. Я не захватил с собой никаких материалов, поэтому сейчас могу объяснить задачу только на словах. Но вы опытный солдат и сумеете меня понять.

4

Оперативная группа 20.X, среда, 10.30

Сотрудники оперативной группы полковника Чернышова капитаны Ветров и Муромцев остановились возле запертых дверей кабинета своего начальника. Более нетерпеливый Ветров тут же начал крутить головой в разные стороны, но Чернышова нигде не заметил. В обе стороны коридор был пуст.

– Вот так наш начальник заботится о своих сотрудниках, – заметил Артем Ветров. – Вот помяни мое слово, Олег, влепят нам с тобой по выговору за несвоевременное предоставление отчетов. А это, между прочим, отразится и на общих показателях группы.

Артем Ветров значительно завышал возможное наказание, да и грозило оно ему одному, так как Олег Муромцев все требуемые отчеты уже давно сдал.

Муромцев ничего не ответил на тираду Ветрова, только слегка улыбнулся. Любой, кто более-менее знал Артема Ветрова, сразу бы догадался, что в данном случае он просто придурился. У Ветрова уже вошло в привычку постоянно подшучивать над своими друзьями. А так как самыми близкими друзьями в Управлении по борьбе с терроризмом у него были Павел Чернышов и Олег Муромцев, то им и доставалось больше всего. И тот и другой к шуткам Ветрова давно привыкли и относились вполне спокойно, так как и сами были не прочь пошутить. Отношения между начальником и подчиненными в оперативной группе полковника Чернышова мало походили на отношения, обычно складывающиеся в силовых структурах. Павел Чернышов придерживался исключительно демократического метода управления, считая, что только так можно развить у подчиненных самостоятельность и инициативу. Ветров и Муромцев такой метод приняли на ура и во всем стремились своего начальника поддерживать, а при выполнении задания старались изо всех сил. Во многом этим и объяснялись успехи оперативной группы полковника Чернышова при раскрытии и предотвращении опаснейших преступлений.

Ветров осуждающе вздохнул и опять посмотрел по сторонам.

– Нет, Олег, ты скажи, ведь всем в Управлении известно, что сегодня заканчивается проверка ведения делопроизводства. Что до обеда надо сдать подписанный начальником реестр агентурных дел. Подписанный! – повторил Артем. – А как его подписать, если начальника нет на месте?

На самом деле на проверку секретного делопроизводства отводилась неделя. И подписать реестр у начальника можно было в любой день, но Ветров, как обычно, дотянул до последнего и сейчас пытался свалить вину на Чернышова.

Чтобы не стоять на одном месте, Ветров несколько раз прошелся возле кабинета полковника.

– Может, хоть чаек организуем, раз начальника нет? – обратился он к Муромцеву.

– Конечно, можно бы, но ведь ты два дня назад кипятильник сжег, – заметил Олег, насмешливо глядя на Ветрова.

– Вот так всегда! – бубнил Ветров, тыча пальцем в запертую дверь Чернышова. – Только сотрудники соберутся чаю попить, как выясняется, что кофеварка имеется лишь у начальника.

– И вода из крана бежит только в его кабинете, – сказал подошедший сзади Чернышов.

– А, Павел Андреевич! Мы как раз собирались пригласить вас на чашку чая, – тут же нашелся Ветров.

– Проходите, – сказал Чернышов, отпирая дверь кабинета.

Войдя в кабинет, Ветров первым делом направился к шкафу, где в нижнем ящике Чернышов держал свою кофеварку.

Было заметно, что Чернышов чем-то озабочен. Помолчав, он сказал:

– Давай ставь чай, и оба послушайте меня. Я только что от генерала. Нашей группе поручено ответственное задание.

Деловое настроение Чернышова немедленно передалось его подчиненным. Когда Ветров и Муромцев усаживались за стол начальника, они были уже предельно собраны и внимательны. Чернышов садиться не стал, он уже насиделся в кабинете начальника Управления.

– На вчерашнем заседании Совета безопасности прозвучала новая проблема, – продолжал Чернышов. – Турецкие спецслужбы уже нетрадиционным способом помогают чеченским боевикам. Сообщают им сведения, получаемые через космические наблюдения.

– Дожили: боевики располагают данными космической разведки! – не сдержался Ветров.

– Оставим в стороне эмоции, – предупредил Чернышов.

Он рассказал о повышенном интересе, который проявляют чеченские боевики к военным поставкам. Естественно, что сведения о военных перевозках чеченские боевики собирают не просто так, а с целью подготовки диверсий. Во время войны транспортные магистрали, по которым идет снабжение действующей армии, наиболее уязвимы для диверсантов противника. Конечно, все военные перевозки, будь то переброска людей, техники, оружия или боеприпасов, хорошо маскируются и охраняются. Но, имея данные космической разведки, чеченские боевики тем не менее могут организовать диверсии на железнодорожных путях или в местах, где разгружаются прибывающие эшелоны. Нельзя исключать диверсий и на аэродромах, куда прибывают самолеты военно-транспортной авиации.

– Понятно, что охраной своих эшелонов, складов и баз будут заниматься военные. В этом им будет помогать и наша служба, а конкретно Управление стратегических объектов и транспорта, а также Управление военной контрразведки. Наша задача – выявление диверсионных групп противника и борьба с ними, – сказал полковник.

– Павел Андреевич, как я понимаю, наша группа тоже получила конкретную задачу? – спросил Олег Муромцев.

– Задача нашей группы – определить примерную тактику чеченских боевиков-диверсантов, а также места их возможных диверсий и вместе с военными и контрразведчиками обезвредить диверсантов.

– Надо запросить в Генеральном штабе сведения о тех диверсиях и терактах, которые совершались против наших во время нынешней кампании, да и прошлой. Без этого не понять тактику бандитов, – сказал Ветров.

Чернышов с усмешкой посмотрел на него:

– Боюсь, что в Генеральном штабе хранятся только общие данные. Нас же интересуют данные конкретные: как была организована и проведена та или иная диверсия, сколько боевиков в ней принимало участие, чем они были вооружены и так далее, вплоть до описания внешности отдельных террористов. Такие сведения могут дать только те, кто сам участвовал в боях с бандитами.

– И где же мы найдем таких людей? – немного растерянно спросил Ветров.

– Найти их как раз несложно, – ответил Чернышов. – Они там, где происходит борьба с бандитами и террористами, – на войне.

– Значит, отправляемся в Чечню, Павел Андреевич? – вскинулся Олег Муромцев.

– Для начала на опорную базу северо-западной группировки наших войск, в Моздок.

5

Мордасов

20.X, среда, 10.45

Степан Мордасов внимательно разглядывал сидящего перед ним человека. Впервые он встретился с Керимом в 1986 году. В течение двух лет они тесно взаимодействовали друг с другом, а потом расстались. Как это принято в разведке, Керим неожиданно уехал. Просто исчез. Мордасов был уверен, что их пути больше никогда не пересекутся. Но, как оказалось, все это время турецкая разведка не упускала его из виду. И когда спустя одиннадцать лет опять понадобились его услуги, Керим появился снова.

Почему-то приятно было Мордасову отметить, что за те одиннадцать лет, что они не виделись, Керим постарел. У турецкого разведчика сохранился все тот же жесткий и решительный взгляд. Но на лице появились глубокие морщины. Да и среди черных волос кое-где проглядываются седые пряди. «У тебя еще крепкие мышцы и зоркий глаз, но все равно ты уже не тот бравый военный советник, что ломал меня в лагере моджахедов, – удовлетворенно подумал Мордасов. – Тогда ты мог приказать меня расстрелять и уже через секунду забыл бы об этом. А сейчас ты сам приехал ко мне, потому что я тебе нужен. И все твои слова об инвестициях в гостиничный бизнес, о желании оказать финансовую помощь – полная чушь. Просто я очень нужен тебе. И если я сейчас откажусь, то ничего у тебя не получится. Вообще ни хрена не выйдет! Поэтому твоя контора и готова раскошелиться на целый миллион долларов».

* * *

Уже в детстве у Степана Мордасова отношения с родителями не сложились. Семья Мордасовых жила на Урале, в маленьком городке. Город возник вокруг медеплавильного завода. Завод был небольшой, а по сравнению с известными гигантами уральской индустрии так просто маленький. Однако все трудоспособное население так или иначе было связано с ним. Родители Степана тоже не составляли исключения, оба трудились на медеплавильном, только в разных цехах. Отец выше мастера не поднялся, но мечтал, чтобы сын его стал инженером. Однако Степана такая перспектива нисколько не привлекала. Однообразная жизнь в родном городе настолько наскучила ему, что Степан любым способом мечтал вырваться оттуда. В детстве он зачитывался книжками о морских пиратах, мечтал о дальних странствиях, о приключениях. Родители Степана не одобряли таких мечтаний сына.

– Тебе о предстоящей работе думать надо, о том, как деньги зарабатывать, а не книжки эти дурацкие читать, – часто говорил Степану отец.

Когда словесные аргументы не помогали, отец прибегал к испытанному средству – широкому кожаному ремню. После порки Степан обычно убегал на улицу, где подобралась компания таких же, как он, ребят, тоже мечтающих о рискованных и опасных приключениях. Его отец в это время глушил раздражение, возникшее от ссоры с сыном, за бутылкой водки. Грубое отцовское воспитание произвело на Степана скорее обратный эффект. Мысль о том, что надо бежать из родного города, прочно укоренилась в его душе. Так у мальчишки, выросшего в маленьком городке, в самом центре России, начал формироваться характер будущего международного авантюриста.

Закончив школу, Степан поступать в выбранный отцом институт отказался. Раздраженный отец опять было схватился за ремень, но угробленное водкой здоровье уже было не то, да и сын к семнадцати годам налился силой. Степан легко вырвал ремень из отцовских рук и, оттолкнув отца, вышел из квартиры. С тех пор отец в дела сына больше не совался, все его

интересы окончательно сконцентрировались на водке. Чтобы уехать из города, нужны были деньги. И Степан старательно принялся их зарабатывать. Он не гнушался никакой работы: разгружал вагоны на железнодорожной станции, пытался шабашить с бригадой строителей, делал все, что обещало хороший заработок. Однако в эпоху развитого социализма о частном предпринимательстве никто и не слышал, а государственные расценки были мизерными, поэтому денег, достаточных, чтобы построить жизнь на новом месте, Степан Мордасов так и не заработал.

Спустя год Степан понял, что честным трудом нужных денег ему никак не скопить. От мысли о воровстве Степан тоже отказался, и не потому, что считал, что воровать грешно, а из-за боязни попасться. Среди его уличных знакомых были и те, что уже имели тюремный опыт. И хотя эти парни красочно описывали, какими крутыми они были в камере и в колонии, Степан Мордасов видел, что все это блеф. Степан быстро разобрался, что все без исключения бывшие зэки больше всего боятся снова оказаться на тюремных нарах. Этот страх Степан чувствовал даже тогда, когда парни смачно расписывали свои арестантские похождения или тянули под гитару блатные песни. Пару раз Степану тоже предлагали «пойти на дело».

– Попадают только дураки, – говорили ему приятели-уголовники.

«Верно. Вот вы такие и есть. Поэтому мне с вами не по пути», – думал Степан и всегда отказывался.

В первый раз у его приятелей что-то сорвалось, а во второй получилось, но всех задержали уже на следующий день.

– Кретины, – в сердцах сказал Степан Мордасов, когда во дворе ему рассказали о неудачном ограблении, и сплюнул себе под ноги.

«Если уж рисковать, то только по-крупному, – сказал он себе. – И не с этими придурками, которые на воле временно».

В тот момент, когда его приятели попались на неудачном ограблении, Степан Мордасов собирался в армию. Он уже получил повестку и вскоре должен был отправиться на срочную службу. Эту перемену в своей жизни он расценил как один из способов уехать из опостылевшего города. Так его приятели-уголовники отправились по этапу за совершенное ограбление, а Степан Мордасов направился исполнять свой воинский долг.

В подразделении, где начал службу Степан Мордасов, солдаты подобрались самые разные, от тех, кого Степан называл «маменькиными сыночками», до отчаянной уличной шпаны. Строя отношения со своими сослуживцами, Степан попробовал применить законы зоны, о которых он слышал от своих бывших приятелей. Это неожиданно сработало. Три правила уголовников: никого не бойся, никому не верь, ничего не проси – сделали Степана Мордасова неформальным лидером в подразделении. Он не обзавелся друзьями, зато завоевал авторитет среди своих сослуживцев. Даже военнослужащие из прошлого призыва признали за Степаном право лидера.

Вскоре на независимого солдата обратил внимание и командир подразделения. Мордасова направили в сержантскую школу, а спустя еще полтора года он получил направление в училище воздушно-десантных войск. Принимая решение, Степан вовсе не задумывался о карьере профессионального десантника. Но уж очень не хотелось ему после окончания срочной службы снова возвращаться в опостылевший до боли город. И Степан Мордасов согласился на предложение поступать в военное училище. При поступлении он без труда выдержал жесткий отбор по физической подготовке. Сложнее обстояло дело с общеобразовательными дисциплинами, но как военнослужащий срочной службы Мордасов шел вне конкурса и после сдачи экзаменов был зачислен в ряды курсантов.

Год окончания Степаном Мордасовым десантного училища совпал с годом Московской олимпиады и ввода советских войск в Афганистан. Поначалу Мордасов считал, что военный конфликт в Афганистане быстро закончится. Но время шло. В Афганистан направлялись все

новые и новые воинские части. Военное присутствие Советского Союза в Афганистане постоянно увеличивалось, а война никак не заканчивалась. К 1981 году Мордасову стало окончательно ясно, что советские войска увязли в Афганистане надолго. Понял он и то, что ему самому никак не миновать этой войны. Советский военный контингент в Афганистане постоянно требовал пополнения людьми, техникой и оружием. С возрастом Степан Мордасов утратил свой детский романтизм. Он прекрасно знал, что на войне убивают, поэтому по мере сил начал готовить себя к предстоящим боевым действиям. На учебных занятиях и тренировках, максимально приближенных к боевым условиям, Степан думал не об интернациональном долге, а о том, как остаться в живых в афганском пекле.

Его мрачные прогнозы полностью сбылись. В 1985 году часть специального назначения, где в должности командира роты служил капитан Степан Мордасов, была направлена в Афганистан. Жизнь сыграла с ним злую шутку. Те приключения, о которых он мечтал в детстве, Степан увидел с самой жуткой и отвратительной стороны. Вместо красот экзотических стран Степан увидел все ужасы войны, войны жестокой и беспощадной. Ему приходилось под обстрелом душманов эвакуировать тела своих погибших бойцов. Степан видел и трупы советских военнослужащих, которых, перед тем как казнить, пытали моджахеды. Однажды во время боя минометная мина угодила одному солдату в живот. После взрыва его внутренности были разбросаны по камням в радиусе нескольких десятков метров. Все это произошло прямо на глазах у капитана Мордасова. Части специального назначения составляли элиту Советского военного контингента в Афганистане. И их потери, по сравнению с общевойсковыми подразделениями, были еще минимальны.

Несмотря на каждодневный риск, самого Степана Мордасова война щадила. Один за другим погибали солдаты его роты, а сам Мордасов даже не был ранен. Такое везение во многом объяснялось его высокой боевой подготовкой и теми напряженными тренировками, которыми Мордасов изматывал себя еще до Афганистана. Его умение воевать не осталось без внимания командования части. И когда встал вопрос, кого назначить командиром подразделения батальонной разведки, кандидатура Степана Мордасова ни у кого не вызвала возражений.

Война – это не только кровь и смерть, но и богатые трофеи. За год боевых действий Мордасов узнал войну со всех сторон. Его роте тоже доставались трофеи, но их даже не стоило сравнивать с теми, которые добывали разведчики. Встав во главе подразделения разведки, Мордасов понял, что здесь сможет по-настоящему разбогатеть, если, конечно, не погибнет от душманской пули. Но погибнуть можно было на любом задании, причем за просто так. И Мордасов решил, что лучше рисковать за деньги. Подобрал себе подходящих людей, Степан Мордасов приступил к осуществлению своего плана.

Диверсионная группа Мордасова не ограничивалась трофеями, добытыми в результате плановых операций. Его разведчики целенаправленно устраивали нападения на караваны моджахедов. «Языков», способных сообщить нужные сведения, захватывали в результате таких же операций. Никакую оперативную работу Мордасов не вел. Он просто пытал захваченных душманов, пока те не сообщали об отправке очередного каравана или о месте, где можно взять богатую добычу. Афганистан – горная страна. Большинство грузов здесь перевозится по труднопроходимым тропам на вьючных животных. Моджахеды перевозили три вида ценностей: оружие, деньги или драгоценности и наркотики. Диверсанты Мордасова не брезговали ничем. Оружие и наркотики потом перепродавались тем же моджахедам, а Мордасов получал за них доллары или другую конвертируемую валюту.

Такая деятельность батальонных разведчиков, конечно, не могла не привлечь внимания командования части. Но у командования были и другие заботы. В боевых подразделениях солдаты начали пристращаться к наркотикам, прапорщики разворовывали со складов спирт, горюче-смазочные материалы и другое военное имущество, а потом перепродавали его афганцам. Командира части больше беспокоило падение боеспособности своих подразделений, и на

грабительские налеты разведчиков он закрыл глаза. Да и Мордасов всегда делился со своими командирами захваченными трофеями. Он понимал, что лучше отдать часть и жить спокойно, чем потерять все. Война научила его разбираться в психологии людей. Не было ни одного случая, чтобы кто-то из командиров отказался от предложенного им подарка. Впрочем, отдавать приходилось самую малость. Любого командира вполне удовлетворяло изготовленное в подарочном исполнении оружие или нечто подобное. Пора огромных взяток еще не настала.

Вот со своими напарниками Мордасов делился щедро. Вся захваченная добыча распределялась поровну между участниками операции. Потому что жизнь всех зависела от умения и быстроты каждого в отдельности. При одинаковом риске должна быть одинаковой и награда. Людей в диверсионную группу Мордасов отбирал по двум принципам: высочайшая боевая выучка и полное подчинение командиру. У Степана Мордасова подобралась отличная команда. В его диверсионную группу входил снайпер, лучший во всем батальоне, первоклассный минер-подрывник и два стрелка. Мордасов не стремился создать большую группу. Меньше людей – больше доля каждого. Мордасов слышал, что и в других частях существуют подобные команды, и это только подхлестывало его аппетиты. Диверсионная группа Мордасова проводила одну успешную операцию за другой. Этот успех и обогащение опьянили диверсантов-грабителей, и те утратили всяческую осторожность.

6

Мордасов

20.X, среда, 11.00

Мордасов слушал Керима и вспоминал их первую встречу. В тот роковой день, казалось, ничто не предвещало беды. Все произошло тогда, когда никто из диверсантов, включая и Степана Мордасова, уже не ожидал опасности.

...В результате стремительного нападения они захватили очередной богатый караван, перебив охранников. С захваченной добычей диверсионная группа Мордасова возвращалась на базу. И никто из разведчиков не мог предположить, что за тем же караваном охотится другой отряд афганских моджахедов. Захватив добычу, диверсанты сами превратились в объект нападения. На одном из перевалов тропу, по которой двигалась диверсионная группа капитана Мордасова, пересекла автоматная очередь. Мордасову хватило пары секунд, чтобы оценить положение и понять, что оно абсолютно проигрышное. В узком ущелье даже несколько стрелков, засевших на его склонах, представляют огромную силу. А сейчас против четверки его людей душманы выставили целый стрелковый взвод. Но даже не численный перевес противника остановил Мордасова, а красная точка лазерного целеуказателя у него на груди. Мордасов переглянулся со своими бойцами и первым опустил автомат.

Душманы не стали на месте убивать советских солдат, а забрали их в свой лагерь. Там они бросили Мордасова и его людей в вырытую, а вернее, в выдолбленную в каменистой земле глубокую яму и продержали до самого вечера без воды и пищи. Когда стемнело, трое душманов вытащили Мордасова из ямы и куда-то повели. Ночь была темная. Для освещения лагеря душманы зажгли смоляные факелы. Мордасов попробовал осмотреться, но горящие факелы давали слабый свет. Степан смог разглядеть только несколько афганских хижин да две армейские палатки, установленные в центре лагеря. Мордасов подумал, что его ведут в одну из палаток, но душманы провели его дальше и заставили остановиться возле врытых в землю деревянных кольев. Кольев было четыре. На двух из них были насажены уже высохшие на солнце человеческие головы. Душманы крепко держали Мордасова за локти, хотя он вряд ли смог бы оказать сопротивление, так как его руки были туго стянуты за спиной сыромятными ремнями. Еще двое душманов привели другого захваченного советского солдата и поставили рядом с Мордасовым. По его форме Мордасов догадался, что это рядовой срочной службы из инженерно-строительной части. Солдат был страшно изможден, видимо, он провел в афганском плену уже не один день.

Душманы что-то сказали друг другу. Мордасов, научившийся немного понимать афганский язык, различил фразу «на колени». И тут же удар прикладом автомата заставил его упасть на колени. Рядом вскрикнул солдат-строитель. Душманы и его заставили встать на колени. Один из душманов, у которого Мордасов ранее уловил запах анаши, вытащил из ножен кривую восточную саблю. Душманы, стоящие позади Мордасова, наклонили его туловище к земле. Ужас сковал все мышцы Мордасова. Рядом протяжно завыл солдат-строитель, Мордасов его не видел, так как перед глазами были только песок и мелкие камешки. Накутившийся анаши душман взмахнул своей саблей. Вой солдата сразу оборвался, а его отрубленная голова упала к ногам Мордасова, кровь убитого солдата забрызгала его колени. Душманы, державшие Мордасова, распрямили его туловище, а палач наклонился и, взяв отрубленную голову за волосы, поднял ее с земли. Душман продемонстрировал голову Мордасову. Для большего эффекта он поднес ее к самому лицу. Мордасов зажмурился, но в нос все равно ударил запах свежей человеческой крови. Видя, как зажмурился Мордасов, душман рассмеялся и водрузил отрубленную голову на один из свободных кольев. Душманы подняли Мордасова на ноги, после этого

палач указал своей окровавленной саблей на последний свободный кол, потом на Мордасова и раскрытой ладонью чиркнул себя по шее. При этом он пристально смотрел в глаза Мордасову и ехидно улыбался.

Мордасова отвели обратно и бросили в ту же яму. Испытанный шок и животный ужас были настолько сильными, что он еще долго не мог прийти в себя. Ужас снова охватил Мордасова, когда на следующее утро душманы опять выволокли его из ямы. Мордасов не ошибся: душманы опять потащили его тем же путем к деревянным кольям с отрубленными человеческими головами. Когда Мордасова вели мимо армейских палаток, из одной из них вышел какой-то человек. Он был одет так же, как и остальные моджахеды, только его шею украшал шелковый платок, повязанный на европейский манер. Человек остановил душманов, и те безоговорочно повиновались. Он смерил Мордасова с ног до головы внимательным взглядом и также без слов, одним жестом, велел ему следовать за собой. Мордасов не заставил себя ждать и тут же шагнул в палатку. Он понял, что казнь откладывается, возможно, всего на несколько минут, а возможно, и на более отдаленное время. Душманы, сопровождавшие Мордасова, в палатку не вошли, и он оказался с незнакомцем один на один.

– Присаживайтесь, – сказал незнакомец на довольно чистом русском языке и указал на раскладной стул, стоящий напротив такого же стола.

«Он не афганец, – сообразил Мордасов. – Скорее всего военный советник одной из арабских стран».

– Здесь немного темновато, – добавил незнакомец, после того как Мордасов уселся на предложенный стул.

С этими словами хозяин палатки приподнял брезентовый полог, закрывающий одно из вставных окон. В стенках палатки было сделано несколько окон, но военный советник специально открыл то, через которое сидящий на стуле человек мог видеть колья с насаженными на них отрубленными человеческими головами. Хозяин палатки уселся за стол напротив Степана.

– Вы кажетесь мне разумным человеком. И я надеюсь, что мы сумеем договориться, – начал незнакомец.

Мордасов молчал.

– Меня зовут Абдул Керим. Я офицер разведки страны, которая поддерживает освободительное афганское движение. Правда, у местных бойцов довольно своеобразное представление об освободительной борьбе. – И Керим указал рукой на отрубленные головы советских солдат. – Что и говорить, местные племена довольно жестоки. И это еще не самая страшная казнь, на которую они способны. Пару раз мне приходилось наблюдать нечто уж совсем неприятное. – Керим даже безглаголиво поморщился.

Степан Мордасов отлично понимал, с какой целью все это говорится. Иностраный разведчик стремился его запугать. Про себя Мордасов отметил, что это ему удалось. «Сука! – зло подумал Мордасов. – Если бы ты попался мне, то запел бы по-другому».

Керим проникательно посмотрел в глаза Мордасову, словно читал его мысли, но ничуть не смутился и продолжал:

– В вашем взгляде я вижу враждебность. Смею вас заверить, она совершенно напрасна. Я представляю страну, которая придерживается принятых в Европе правил гуманного обращения с военнопленными. Конечно, если мы не сумеем договориться, вами займутся бойцы местного сопротивления, у которых гуманизм не в чести. В общем, выбор за вами, решайте...

Дальше Керим обстоятельно изложил свое предложение. Кратко его можно было сформулировать следующим образом – перейти на сторону афганских моджахедов, сообщить разведке той страны, которую Керим представлял, интересующие ее сведения.

Керим несколько раз прошелся по палатке. Наконец остановился рядом с Мордасовым и сказал:

– Не понимаю ваших сомнений. Да вы должны радоваться той счастливой возможности, которая вам подвернулась. Ведь не ради интернационального долга, о котором твердит советская пресса, вы пришли сюда. Мне понятны ваши интересы, иначе вы бы не охотились за этим караваном. Деньги – это нормальная человеческая страсть. Но ответьте мне, как вы собирались использовать эти деньги в Советском Союзе? Ни доллары, ни фунты, ни тем более драхмы или рупии в Советской России не имеют хождения. Для вас все бы закончилось валютной статьей и длинным-длинным сроком заключения. Вы этого хотите?

Степан молчал. Иностраный разведчик задал Мордасову вопрос, который, по идее, должен был прийти к нему в голову гораздо раньше. Альтернатива была проста. Либо мучительная смерть от руки душманского палача, либо весьма обеспеченная жизнь, правда, полная риска. Но последние два года он только и делал, что рисковал, подставляясь под пули. И Мордасов сделал свой выбор в пользу обеспеченной жизни. Разом отбросив воинский долг, понятия Родины и чести, Степан Мордасов выбрал путь международного авантюриста, военного наемника, солдата удачи.

Бойцы диверсионной группы капитана Мордасова привыкли во всем подчиняться своему командиру. Вот и сейчас они согласились с его решением и присоединились к нему. Так при содействии турецкого разведчика Абдул Керима диверсионная группа российского спецназа перешла на сторону афганских моджахедов. Душманы боялись давать группе Мордасова индивидуальные боевые задания. Степана Мордасова и его бойцов моджахеды использовали в качестве военных консультантов. Несмотря на то что ни Мордасов, ни его люди не принимали непосредственного участия в боевых действиях, операции, спланированные с их участием, проходили гораздо успешнее. Вскоре Мордасов и его солдаты стали получать от моджахедов такое же денежное содержание, как и иностранные военные советники. Свой боевой опыт, полученный в советской армии, Степан Мордасов сейчас использовал против своих бывших товарищей по оружию. Вооруженные его знаниями моджахеды провели несколько успешных диверсионных операций, в результате которых советские войска понесли значительные потери. Но больше всего тактика действий российского спецназа интересовала иностранного военного советника Керима. Мордасов уже узнал, что Керим – турецкий разведчик, направленный в Афганистан в качестве военного консультанта. Но, кроме оказания консультаций, Керим преследовал и чисто разведывательные интересы. Так благодаря предательству капитана Мордасова турецкая разведка получила самую последнюю информацию о боевых возможностях частей специального назначения СССР.

Абдул Керим был отозван из Афганистана примерно за год до вывода советских войск. Мордасов и его люди оставались в Афганистане до самого окончания войны, вернее, до того момента, пока советские войска не покинули территорию Афганистана. С выводом советских войск война в Афганистане не закончилась. Просто теперь отряды афганских моджахедов начали войну за власть. Новоявленные афганские лидеры дали понять иностранным военным советникам, что больше не нуждаются в их помощи. Вместе с другими военными советниками выехал из Афганистана и Степан Мордасов со своими людьми.

Диверсионная группа Мордасова не распалась и после афганской войны. С начала девяностых годов локальные военные конфликты вспыхивали по всему миру. Солдаты удачи никогда не оставались без работы. Диверсионно-разведывательная группа Мордасова переезжала из страны в страну, следуя за распространением военных конфликтов. Диверсанты Мордасова воевали и в Африке, и в Латинской Америке, и в Юго-Восточной Азии, и на Балканах. Они ничего другого не умели, но в диверсионном деле достигли высшего мастерства. В 1994 году они вернулись в Россию – не как российские граждане и не как иностранные туристы, а как наемники чеченских бандитов. На Северном Кавказе вспыхнула настоящая война между бандитскими формированиями и регулярной российской армией. Бандиты применяли тактику партизанской войны. В таких условиях боевой опыт диверсионной группы Мордасова был про-

сто незаменим. Поэтому чеченские полевые командиры платили Мордасову, даже по иностранным меркам, очень щедро. Но не только высокие заработки привели Мордасова в Чечню, а и желание оправдаться перед самим собой. С того момента, когда Степан Мордасов принял предложение Керима, он чувствовал, что оказался слабее того солдата, которому душманы отрубили голову. И хотя он постоянно говорил себе, что солдату никакого предложения не делали, что его убили бы в любом случае, чувство собственной слабости не уходило. Подсознательно Мордасов понимал: он согласился на все условия Керима, потому что элементарно струсил, потому что через окно палатки видел колья с насаженными на них человеческими головами, а в памяти стоял душман, указывающий на него своей окровавленной саблей. В Чечне с 1994 по 1996 год Мордасов мстил российским солдатам за то, что проявил слабость.

Диверсионная группа Мордасова не входила ни в один из чеченских отрядов и всегда действовала самостоятельно. Мордасов лично обговаривал с чеченскими полевыми командирами задачу и плату за ее выполнение. Когда российские войска ушли из Чечни, покинули Северный Кавказ и диверсанты Мордасова.

Десять лет – большой срок для военного наемника. Немногим солдатам удачи случается столько прожить. Мордасов и его бойцы не только выжили, участвуя в различных локальных войнах, но и заработали достаточно денег, чтобы безбедно провести оставшуюся жизнь. В конце 90-х диверсионная группа распалась, и диверсанты разъехались по всему миру. Командир группы Степан Мордасов обосновался на Кипре, где купил отель на побережье. Он переписывался с некоторыми из своих бывших бойцов. Время показало, что бывшие солдаты удачи оказались совершенно неподготовленными к мирной жизни. Почти все чудовищно быстро спустили заработанные деньги и вынуждены были вернуться к своему прежнему ремеслу. Только один из группы Мордасова, по слухам, неплохо обосновался в Греции. У самого Степана Мордасова дела тоже шли не лучшим образом. Его отель прогорал на глазах. Не помогли даже взятые в банках кредиты. Хозяин отеля «Морской пират» чувствовал, что вскоре его признают банкротом. Степан Мордасов уже исчерпал все средства поправить положение, когда в его отеле под видом состоятельного туриста поселился полковник турецкой разведки Абдул Керим.

7

Контракт 20.X, среда, 11.30

Керим замолчал и, как и во время первой встречи, выжидательно посмотрел на Мордасова.

– Интересно, – проговорил тот.

– Так вы согласны?

– Не торопите события, господин Керим. Я еще ничего не сказал. И не надо оказывать на меня давление, ведь за окном нет кольев с отрубленными головами, – ответил Мордасов.

– О каком давлении вы говорите?! – всплеснул руками Керим. – Вам предлагают миллион долларов за одноразовую акцию! Короткая работа, и вы сохраняете за собой этот отель, да еще становитесь обладателем солидного состояния. И такое предложение вы называете давлением с моей стороны?

– Значит, мой риск вы оценили в миллион долларов?

– Давайте все расставим на свои места. Эти деньги не мои, не моей службы и даже не моей страны. Просто на Востоке у нас есть весьма состоятельные друзья, которые также заинтересованы в акции, о которой я говорил. За ее проведение они готовы заплатить исполнителям миллион долларов. И я считаю, что вы лучший кандидат для этой роли.

Мордасов усмехнулся.

Керим тем временем продолжал:

– Теперь о риске. Да, я согласен, проведение акции сопряжено с риском. Но разве вы меньше рисковали, когда лазили по афганским горам за гораздо меньшее вознаграждение? В данном случае вознаграждение превышает всю вашу суммарную добычу, полученную от грабежей афганских караванов. И, наконец, самое главное. Если бы я считал эту акцию невыполнимой, то разве стал бы тратить время и средства на ее подготовку? Согласитесь, вам еще никогда не приходилось планировать свои акции, имея на руках данные космической разведки.

Мордасов напряженно думал. Он тоже не считал, что задуманная акция принципиально неосуществима. С ходу он не мог назвать способ ее проведения, но чувствовал, что сможет определить его на месте. И еще он чувствовал, что в одиночку такую операцию ему не про- вернуть.

– Если я соглашусь на ваше предложение, мне потребуются мои люди, – наконец сказал Мордасов после долгого раздумья.

Губы Керима дрогнули в едва заметной улыбке. Он достал из внутреннего кармана электронную записную книжку. Открыв ее, Керим набрал на клавиатуре свой личный пароль. Черный экран сменился приветственной заставкой. Керим еще немного поколдовал на клавиатуре и начал читать с экрана:

– Кирилл Сайдаков, тридцать шесть лет, военная профессия – снайпер, место жительства – Греция, город Салоники. Георгий Псарев, сорок два года, военная профессия – минер-подрывник, место жительства неизвестно, в настоящее время находится в Чечне в качестве инструктора минно-взрывного дела. Леонид Чагин, тридцать девять лет, военная профессия – стрелок, в настоящее время также находится в Чечне в качестве военного инструктора. И, наконец, Ришат Хакимов. – Керим сделал паузу. – Увы, ваш второй стрелок в прошлом году умер от малярии где-то в джунглях Индонезии. Ваша диверсионная группа потеряла одного человека, но за предыдущие годы приобрела бесценный боевой опыт, – сказал Керим. – Сегодня вы сильны как никогда. И в восемьдесят шестом вы были не мальчики, но теперь вы настоящие волки. Я уверен, вашей диверсионной группе вполне по силам эта задача.

«Турок прав, – думал Мордасов. – Хватит бросаться из одного пекла в другое. Работать нужно только несколько раз в году, а по возможности еще реже. Причем соглашаться только на высокооплачиваемую работу. Вот как раз такую турок сейчас и предлагает». И Мордасов принял решение.

– Хорошо, – сказал он. – Мы беремся за это дело. Но оплата для всех должна быть одинаковая. Вы говорили о миллионе долларов. Я требую, чтобы все остальные члены моей группы получили столько же.

Настала очередь задуматься Кериму.

– Мне нужно переговорить с моими друзьями, – наконец сказал он.

Про себя полковник Керим подумал, что сумеет уговорить ближневосточные террористические организации выделить четыре миллиона долларов. Задуманная акция была крайне необходима и чеченским, и ближневосточным террористам. И если нанятые для ее осуществления диверсанты требуют четыре миллиона долларов, значит, эти деньги им надо заплатить. Боевиков Мордасова Керим считал самыми подходящими кандидатами для предстоящей операции. Среди международных наемников можно было отыскать военных диверсантов такой же квалификации. Но на этот раз действовать приходилось на территории России, причем проведение акции требовало предварительной подготовки. А для этого бывшие российские граждане, владеющие русским языком и знающие психологию, обычаи местного населения, подходили как нельзя лучше.

– В том случае, если названные вами условия будут приняты, переговоры со всеми бывшими членами вашей группы вам придется провести самостоятельно, – заметил Керим.

– Разумеется, – ответил Мордасов, подумав: «Тебя они даже слушать не будут».

– Ответ от наших друзей на Ближнем Востоке придет очень быстро, поэтому ближайшие два дня никуда не уезжайте из города, – сказал Керим, поднявшись с кресла.

Предварительные переговоры были окончены, а турецкий разведчик не любил попусту тратить время.

– У вас очень услужливый портъе. Пожалуй, я смогу обрадовать его, сообщив, что решил задержаться в вашем отеле еще на пару дней, – заметил Керим, остановившись в дверях.

При этом на его лице опять сияла самая доброжелательная улыбка.

Мордасов остался один. По тому, как уверенно Керим закончил разговор, Мордасов понял, что его условия будут приняты и сумма контракта возрастет до четырех миллионов долларов.

8

В Моздоке

21.X, четверг, 17.30

*Командующему федеральных сил
на Северном Кавказе*

Управлением военной контрразведки и Управлением по борьбе с терроризмом ФСБ России проводится совместная операция по пресечению диверсионной деятельности чеченских боевиков в тылу объединенной группировки федеральных сил. В связи с этим к вам направлена оперативная группа Управления по борьбе с терроризмом. Начальник группы старший оперуполномоченный по особо важным делам ФСБ России полковник Чернышов П.А. Обращаю ваше внимание, что проведение антидиверсионной операции одобрено на заседании Совета безопасности, в связи с чем прошу вас оказывать оперативникам ФСБ максимальное содействие.

Прибытие оперативной группы ФСБ на военный аэродром Моздока ожидается сегодня.
21.10.1999 г.

*Первый заместитель начальника Генерального штаба
генерал-полковник МАНИЛОВ*

* * *

После холодной осенней московской погоды перелет в Моздок показался возвращением в бабье лето. Чернышов, Ветров и Муромцев с удовольствием вдыхали чистый, не испорченный автомобильными выхлопами воздух и подставляли лица теплему ветру. В другой раз они охотно насладились бы теплом и ярким согревающим солнцем, но сейчас все это отошло на второй план. Всего в пятидесяти километрах от Моздока шла настоящая война с применением тяжелой артиллерии и авиации. По мере того как сжималось кольцо окружения, возрастало и сопротивление чеченских боевиков. Сейчас отряды боевиков сосредоточились в крупных населенных пунктах и горных районах Чечни и не собирались сдаваться без боя. Но российские войска извлекли уроки из прошлой чеченской кампании. Вместо безрассудных штурмов огневых позиций российские военные использовали тактику блокирования боевиков в их укрепленных районах с последующим вытеснением их оттуда. Пока эта тактика имела успех. Российским войскам удавалось продвигаться вперед с минимальными потерями. Но и противник также изменил тактику. Чеченские боевики, не способные противостоять российским войскам в открытом бою, перешли к методам диверсионной войны. Чтобы в какой-то мере обезопасить российские войска от чеченских террористов и диверсантов, в штаб северо-западной группировки российских войск и прибыла оперативная группа Управления по борьбе с терроризмом, возглавляемая полковником Чернышовым.

На военном аэродроме Моздока сотрудников ФСБ встречал офицер военной контрразведки.

– Майор Осипов, – коротко представился он.

– Чернышов Павел Андреевич, – ответил Чернышов и протянул Осипову руку.

Представились и Муромцев с Ветровым.

– Значит, вы к нам с инспекторской проверкой? – поинтересовался Осипов после приветствия.

– С чего вы взяли? – удивился Чернышов.

– Ну как же, – пожал плечами майор Осипов. – Сначала приходит распоряжение принять меры к защите от возможных нападений чеченских диверсантов. А потом появляетесь вы, полковник из Управления по борьбе с терроризмом, да еще с двумя своими офицерами. Просто руководство ФСБ хочет знать, насколько эффективны меры, принимаемые военной контрразведкой, и имеются ли возможности для совершения диверсий чеченскими террористами, ну и так далее. Своим такую проверку поручить нельзя. Вот и прислали независимого эксперта со стороны.

– Интересное наблюдение, – усмехнулся Чернышов.

– Товарищ майор, а вы книжками про шпионов излишне не увлекаетесь? – тут же спросил у Осипова Ветров.

– А какое это имеет значение? – недоуменно спросил Осипов.

– Просто тогда становится понятной ваша подозрительность ко всем приезжим, – ответил Ветров.

Осипов смутился и, уже обращаясь к Чернышову, спросил:

– Но, признайтесь, ведь не с визитом вежливости вы сюда прилетели?

– Вас как зовут? – вопросом на вопрос ответил Чернышов.

– Сергей Владимирович.

– Так вот, Сергей Владимирович, я не знаю, какого мнения начальство о моих возможностях в качестве проверяющего. Во всяком случае, с такими заданиями меня не посылали, – признался Чернышов. – А раз нам предстоит работать вместе, скажу: бороться с диверсантами легче, когда известны намерения противника, объект диверсии, численный состав группы диверсантов и их задачи. Вот это нам и предстоит совместными усилиями выяснить.

– Значит, никаких рапортов о нерадивости и упущениях военной контрразведки не будет? – все же уточнил Осипов.

– К сожалению, рапортами и другими бумагами нельзя защититься от террористов. Лучше все допущенные ошибки исправлять общими усилиями. Ведь исправленная ошибка таковой уже не считается, – ответил Чернышов.

– В таком случае, – Осипов еще раз осмотрел прибывших из Москвы оперативников, – можете на меня полностью рассчитывать.

То, что называется контактом, состоялось. Недоверчивый тон Сергея Осипова сразу сменился на дружеский.

– Павел Андреевич, вам бы переодеться надо. Да и вам, ребята, тоже. Здесь хоть и не передовая, но все офицеры ходят в форме. Три человека в гражданской одежде на военной базе сразу привлекут внимание. Чеченских шпионов здесь, конечно, нет, но военные выходят в город, общаются с местным населением. Так что информация о вашем прибытии вполне может уйти к противнику.

– Резонно, – согласился Чернышов. – Вот только полевую форму мы с собой не захватили.

– Да это не проблема. Пойдемте на склад. Там все и подберем.

Осипов отвел группу Чернышова к вещевому складу, где расторопный прапорщик тут же выдал три комплекта полевой формы. Пока прапорщик подбирал форму нужных размеров и роста, Осипов сам прошел на склад и вскоре вышел оттуда, держа в ладони набор офицерских звездочек и кокард для полевых фуражек.

– Вот, держите, – сказал он, высыпая на обшарпанный деревянный стол знаки различия. – Сами приколоть сумеете?

Последние слова Осипов произнес довольно ехидно. В представлении сотрудников военной контрразведки офицеры из других управлений ФСБ были сугубо гражданскими людьми.

– Да как-нибудь разберемся, – ответил за всех Артем Ветров.

– Так, теперь насчет жилья, – сказал Осипов, когда прапорщик выдал последний комплект полевой формы. – Я заказал вам номер в гостинице военного городка. Правда, по мос-

ковским меркам это больше походит на общежитие. Одна комната с тремя кроватями, туалет и умывальник в коридоре. Но ничего другого предложить не могу.

– Спасибо. Нас все вполне устраивает, – поблагодарил Чернышов. – И если вы, Сергей Владимирович, не возражаете, мы бы как раз хотели пройти в гостиницу и переодеться.

– Да, конечно, сейчас как раз туда и пойдем, – кивнул Осипов.

Он проводил Чернышова и его товарищей до гостиницы военного городка. Под гостиницу был отведен первый этаж трехэтажного жилого дома. Дежурный прапорщик, видимо, заранее был поставлен в известность о прибытии группы офицеров, потому что сразу же протянул Чернышову ключ от их гостиничного номера.

– Ваш номер дальше по коридору, – сказал Осипов, объясняя дорогу. – Вы устраивайтесь, а я в штаб. Там и встретимся. Штаб здесь рядом, через две казармы, так что легко найдете.

Осипов уже собирался уйти, но Ветров остановил его вопросом:

– Сергей, а где здесь можно поужинать?

Вопрос Ветрова вызвал у Олега Муромцева улыбку. Олег покачал головой, после чего многозначительно переглянулся с Чернышовым. Страсть к еде, которую практически постоянно испытывал Ветров, была хорошо известна его друзьям. Поэтому Чернышова и Муромцева даже удивило, как это он не задал свой вопрос раньше. Сергей Осипов заметил странную реакцию московских гостей, которую вызвал у них вопрос их товарища, но ничего для себя уточнять не стал, а просто ответил:

– В городке есть офицерская и солдатская столовая. В обеих кормят за деньги, но в солдатской гораздо дешевле. Да, кстати, офицерская столовая уже закрыта, – сказал Осипов, посмотрев на часы. – А солдатская работает круглосуточно. Если будете в городе, поесть можно и там. Цены в закусовых вполне приемлемые.

Подробно объяснив, где можно будет поесть, контрразведчик отправился в штаб.

Оставшись одни, оперативники Управления по борьбе с терроризмом направились в номер, ключ от которого получил Чернышов. Номер в гостинице действительно оказался точно таким, как его описывал Осипов. Три застеленные солдатскими одеялами кровати, столько же стульев, две деревянные тумбочки и один стол. Больше в номере ничего не было. Однако претендовать на что-либо большее было бы просто глупо, так как военнослужащие, непосредственно воюющие с боевиками, включая солдат и офицеров, в полевых условиях вообще жили в палатках.

Ветров первым вошел в номер, прошелся по нему и, сложив свои вещи на одну из кроватей, сказал:

– «Хилтон». Вот вы, Павел Андреевич, как знающий человек, скажите, по сравнению с отелем «Хилтон» – большая разница?

Чернышов тем временем плотно прикрыл дверь, запер ее на ключ, после этого повернулся к Ветрову и очень серьезно сказал:

– Артем, твои шутки хороши в Управлении и с теми людьми, кто тебя давно знает. Твоя манера разговаривать уже стала отличительной чертой. А это все равно что особая примета, которая выделяет тебя среди других офицеров. Ты понимаешь меня? Мы прибыли сюда со специальным заданием. Еще не известно, с кем нам придется встречаться. Майор Осипов специально выдал нам полевую форму, чтобы мы не отличались от других офицеров. Он беспокоится, чтобы на нас раньше времени не обратили внимания. А твоя привычка постоянно шутить может выдать тебя. Поэтому на время нашей командировки я запрещаю тебе так себя вести. Приказ понятен?

– Понятен, Павел Андреевич, – тут же ответил Ветров. – А если в подобном поведении возникнет оперативная необходимость?

Чернышов все же не смог сдержать улыбки. Разговаривать с Ветровым абсолютно серьезно было практически невозможно.

– Хорошо, – кивнул Чернышов. – Тогда так и договоримся. Шутки разрешаются только в случае оперативной необходимости.

– Ну а я про что? Исключительно ради дела, – заметил Ветров.

– Павел Андреевич, а вы что, не доверяете майору Осипову? – неожиданно спросил Олег Муромцев.

– Почему ты так решил? – удивился Чернышов.

– Но ведь Артем позволил себе шутку только в его присутствии, – пояснил Олег свою мысль.

– Во-первых, там был не только Осипов, но и прапорщик с вещевого склада. Во-вторых, они оба такие же люди, как и все. Даже если о служебных делах с приятелями они болтать не будут, то о веселом капитане, любителе всевозможных шуток, вполне могут рассказать. Если Артем и дальше станет вести себя подобным образом, то мгновенно превратится в достопримечательность всего гарнизона. А это все равно что сообщить о нашем прибытии чеченским бандитам.

– Да я все понял, Павел Андреевич, – сказал Ветров.

– Если понял, молодец. Значит, к этому вопросу больше не возвращаемся.

Следующие пятнадцать минут все трое сосредоточенно прикрепляли знаки различия к только что полученной полевой форме.

– Ну что, Павел Андреевич, значит, на время нашей командировки превращаемся в настоящих военных? – спросил у Чернышова Ветров, облачившись в новую форму.

– Да, причем придется постараться, чтобы все посторонние лица действительно принимали нас за обыкновенных военных, а никак не за сотрудников службы безопасности, – ответил Чернышов. – Я иду в штаб, – объявил он. – Надо доложить начальнику гарнизона о нашем прибытии. Если повезет, встречу с командующим Северо-Западной группировкой. Хорошо бы уже сегодня определиться с задачами нашей группы и с той помощью, которую нам может оказать командование гарнизона.

– Мы тогда отправляемся на разведку в солдатскую столовую, – сказал Артем Ветров. – Попробуем установить неформальные отношения с личным составом гарнизона и выяснить, кто из военных располагает интересующей нас информацией.

Чернышов пристально посмотрел на Ветрова.

– Да что вы, Павел Андреевич! Я отлично помню ваше последнее указание. Все шутки только исключительно в оперативных интересах.

– Ладно, идите, – махнул рукой Чернышов. – Если что, я в штабе.

* * *

С тех пор как Моздок стал опорной военной базой всей объединенной группировки федеральных сил, проводившей на Северном Кавказе антитеррористическую операцию, численность военного гарнизона практически сравнялась с численностью гражданского населения. На военный аэродром Моздока ежедневно садились все новые и новые самолеты военно-транспортной авиации, доставляющие военные грузы и свежее пополнение для воюющих с боевиками частей. Моздок превратился в транспортный узел. Сюда шли все военные поставки. Здесь концентрировалась прибывающая техника, оружие и боеприпасы. И уже со складов Моздока все это вооружение поступало на передовую, где распределялось среди частей и подразделений российских войск. Здесь же, в Моздоке, расположился и штаб Северо-Западной группировки федеральных сил, куда и направился полковник Чернышов.

Правда, встретиться с самим командующим Чернышову не удалось, так как того не оказалось на месте. Чернышова принял начальник штаба Северо-Западной группировки.

– Значит, вы всерьез полагаете, что чеченские боевики могут предпринять ряд диверсий против наших войск? – спросил генерал, выслушав Чернышова. – А вот я считаю, что бандитам проще и безопаснее устраивать террористические акты в наших городах, чем нападать на регулярные части.

– Цель нашей командировки как раз и состоит в том, чтобы выяснить истинные намерения бандитов, – ответил Чернышов.

– У нас, конечно, имеются данные военной разведки о их просачивании в тыл наших войск, – заметил начальник штаба. – Но речь идет об отдельных бандитах или малочисленных группах. Большей частью от них страдает мирное население. Правда, некоторые осмеливаются нападать и на наших военнослужащих. Но все, на что отваживаются бандиты, – это минирование дорог, засады, устраиваемые на одиночные машины и военнослужащих. Ну могут еще обстрелять какой-нибудь удаленный блокпост. В любом случае принести какой-то серьезный ущерб они не способны.

Чернышов промолчал. Он мог бы сказать, какой колоссальный ущерб могут принести даже отдельные диверсанты, какие катастрофические масштабы могут иметь последствия даже отдельной диверсионной акции. В памяти был недавний случай, когда в конце марта двое террористов намеревались взорвать химическую мину на центральном стадионе в Лужниках во время футбольного матча. В случае взрыва число жертв составило бы от восьмидесяти до ста тысяч человек. Только героическими усилиями сотрудников безопасности удалось обезвредить террористов и предотвратить казавшийся неизбежным взрыв². Но обо всем этом Чернышов умолчал. Он не стал говорить об опасности, которую могут представлять диверсанты. Вместо этого Чернышов сказал:

– Проникающие из Чечни диверсанты и террористы – наша общая проблема. Они угрожают не только военным, но и мирному населению. И решать эту проблему тоже следует сообща. Если вы не возражаете, мне бы хотелось взглянуть на те данные армейской разведки, где сообщается о проникающих в наш тыл чеченских боевиках, а также побеседовать с военными, занимавшимися борьбой с чеченскими диверсантами как в прошлую, так и в нынешнюю военную кампанию.

Армейский генерал насупился. Пока борьба с проникающими в тыл диверсантами противника велась довольно успешно. И начальник штаба, не без основания, считал это заслугой военных. Делиться успехами с кем бы то ни было, а уж тем более с офицерами Федеральной службы безопасности, генералу совсем не хотелось. Однако и отказываться от предлагаемой помощи совсем было бы глупо. И начальник штаба выбрал наиболее обтекаемый ответ:

– Разведданные, о которых вы говорите, мы уже передали военной контрразведке. А фамилиями конкретных людей лучше поинтересоваться у начальника гарнизона. Я по памяти не могу назвать тех, кто участвовал в борьбе с чеченскими диверсантами.

«Если данные о проникновении чеченских диверсантов переданы военной контрразведке, значит, их можно будет получить у майора Осипова, – подумал Чернышов. – Там же можно будет и узнать фамилии тех, кто непосредственно участвовал в борьбе с диверсантами». Павел Чернышов еще не знал, что ответ на его второй вопрос в тот же день получают Муромцев с Ветровым.

Когда Чернышов вернулся в гостиницу, его младшие товарищи уже были там. Утоливший голод Ветров пребывал в отличном настроении и, как только Чернышов переступил порог гостиничного номера, атаковал его словами:

– Товарищ полковник, ваше задание выполнено. Разведка произведена. Докладываю: солдатская столовая функционирует исправно, солдат и офицеров кормят качественно и, судя по той сумме, в какую нам обошелся ужин, практически бесплатно. Возможно, благодаря этому

---

² Подробно данные события описаны в романе «Тень 2».

солдатская столовая пользуется большой популярностью и у младшего офицерского состава. Последнее обстоятельство позволило двум общительным капитанам быстро завязать обширные знакомства. А так как мы не стали скрывать свою миссию, то очень скоро получили от новых знакомых одну фамилию – капитан Васильченко. Личность, как мне объяснили, легендарная. Командир разведроты, участвовал еще в первой чеченской кампании. Причем в те годы занимался как раз борьбой с диверсантами.

– Военный разведчик, это интересно, – задумчиво сказал Чернышов. – Начальник штаба тоже ссылался на данные военной разведки. И чем же легендарен этот капитан Васильченко?

– Мы, правда, смогли составить его характеристику только со слов офицеров, с которыми нам удалось побеседовать в столовой, – включился в разговор Олег Муромцев. – Но все отмечают, что капитан человек храбрый и решительный, умелый военный. Многие из тех, с кем нам удалось побеседовать, говорили, что ему даже собирались досрочно присвоить звание майора, но его твердая позиция при отстаивании своего мнения, неоднократные споры с начальством помешали капитану Васильченко перейти в разряд старших офицеров.

– И где можно найти этого легендарного капитана? – поинтересовался Чернышов.

– Ну где можно найти военных разведчиков? – развел руками Ветров. – Либо на передовой, либо в тылу противника.

«Разберемся, – подумал Чернышов. – Уж военная-то контрразведка должна знать, где находится каждая разведрота Северо-Западной группировки. Значит, Осипов поможет и в этом».

9

Осипов

21.X, четверг, 19.00

Оставив группу прибывших из Москвы офицеров в гостинице, майор Осипов прошел в штаб. Кивнув сидящему на входе дежурному, он поднялся к себе в кабинет. Кабинет представителя военной контрразведки в здании штаба располагался на втором этаже. Вместе с комнатой хранения оружия его кабинет был одним из наиболее тщательно охраняемых помещений в штабе. Кабинет Осипова стоял на сигнализации, которая была выведена в комнату дежурного по части. Окно закрывала мощная металлическая решетка, а на входе, кроме обычной деревянной двери, была установлена еще и железная с замком повышенной секретности.

Военные контрразведчики, получившие среди военнослужащих прозвище «особисты», всегда были на особом положении в воинских частях. Представитель военной контрразведки не подчиняется командиру части, а только своему непосредственному начальству. Он не посещает плановые занятия, а если и посещает, то по собственному усмотрению. Повседневная работа военного контрразведчика для остальных военнослужащих части остается загадкой. Такая таинственность порождает многочисленные домыслы и слухи. Одни считают военных контрразведчиков бездельниками, протирающими штаны в своих кабинетах, другие, наоборот, неутомимыми сыщиками, днем и ночью собирающими компромат на командование части. Мнения тех и других далеки от действительности. Среди военных контрразведчиков, как и среди людей любой другой профессии, встречаются разные люди, каждый со своими достоинствами, слабостями и недостатками.

Войдя в кабинет, Осипов закрыл на ключ обе двери и по устоявшейся привычке внимательно осмотрелся по сторонам. Все вещи были на своих местах, свидетельствуя, что во время его отсутствия в кабинете никто не побывал. Теоретически такое было возможно, запасной комплект ключей от кабинета хранился у дежурного по части. Правда, любой проникший в кабинет посторонний все равно не обнаружил бы для себя ничего интересного. Письменный стол, два стула, простой книжный шкаф, массивный сейф в углу да компьютер на письменном столе составляли все убранство кабинета. Казенную обстановку немного оживлял цветочный горшок на подоконнике. Названия цветка Сергей Осипов не знал, но поливал его регулярно. Раньше на стене еще имелся портрет Дзержинского, но исчез еще в начале девяностых годов. Сейчас о нем напоминал только вкрученный в стену шуруп да прямоугольное пятно невыгоревших обоев.

Осипов сел за стол и, достав из кармана ключи, открыл собственный сейф. Вот за сейф Осипов не боялся. К сейфу, как и к кабинету, полагались два комплекта ключей. Но второй комплект сейчас мирно покоился внутри сейфа, таким образом, никто посторонний вскрыть сейф не мог. Компьютер также был защищен сложной системой паролей, представлявшей серьезную преграду даже для очень опытного хакера. Но как бы ни были надежны сейф и его компьютер, все же самую секретную информацию Осипов держал в голове и только изредка доверял ее внешним носителям. Сейчас как раз был именно такой случай.

Сергей достал из сейфа коробку дискет, но, прежде чем включить компьютер, прошел к книжному шкафу. В нижнем ящике шкафа располагался генератор радиопомех. Генератор не случайно носил название «Барьер». Будучи включенным, он ставил непреодолимую преграду для всех устройств технической разведки, способных прослушивать ведущиеся в кабинете разговоры или снимать информацию с работающего компьютера. Вероятность того, что кто-то вздумает внедрить в кабинет военного контрразведчика подобные устройства, была ничтожна мала. Тем не менее майор Осипов собственную перестраховку считал нелишней и, собираясь

работать с компьютером, всегда включал генератор радиопомех. Убедившись, что генератор работает исправно, Осипов вернулся к столу и пододвинул к себе клавиатуру компьютера.

Введя запрашиваемый компьютером пароль, Сергей вошел в текстовый редактор и начал составлять новый отчет. Его пальцы, привычные к работе на компьютере, ловко порхали над клавиатурой. Сергей Осипов уже давно пользовался компьютером. Его руки быстро находили на клавиатуре нужные буквы, и уже через несколько минут отчет был готов. Весь он уместился на одной компьютерной странице. Сергей пробежался глазами по тексту, подправил несколько фраз. После этого Осипов выбрал из коробки дискет одну и вставил ее в дисковод компьютера. Запущенная с дискеты программа зашифровала только что набранный текст и в таком виде сбросила его в определенный файл. Осипов переписал зашифрованный файл на другую дискету и снова вставил в дисковод дискету с шифром. Другая запущенная с нее программа уничтожила в компьютере все упоминания о зашифрованном файле, вычистив жесткий диск и оперативную память. Теперь найти составленный Осиповым отчет можно было только на дискете, а прочитать его лишь после расшифровки. Сергей посмотрел на часы. Вся работа заняла меньше получаса. Он выключил компьютер, убрал в сейф все дискеты, кроме той, на которой находился зашифрованный отчет, и встал из-за стола. Осталось выполнить самую сложную часть работы. Осипов поставил кабинет на сигнализацию и, проходя мимо дежурного, сообщил, что сегодня больше в штаб не вернется.

Прибывшие из Москвы сотрудники Управления по борьбе с терроризмом его не разыскивали, справлялись своими силами, и Осипов решил, что вполне может поехать в город. У майора военной контрразведки Сергея Осипова была служебная машина «УАЗ-469», но сегодня он решил ею не пользоваться. В восемь вечера с военного аэродрома в Моздок уходил автобус, на котором уезжали вольнонаемные и свободные от дежурства военнослужащие. Осипов решил, что вполне успевает на этот автобус.

Приехав в город, военный контрразведчик направился на автовокзал. Там располагалась маленькая чебуречная, которую он порой посещал. Занимаясь встречей и размещением группы полковника Чернышова, Осипов так и не успел поужинать и сейчас был голоден. Хозяин чебуречной, черноусый Акоп, поставил перед майором тарелку с четырьмя дымящимися чебуреками. Осипов кивком поблагодарил Акопа и, расплатившись с ним, отошел к дальнему столику.

В чебуречной было всего лишь пятеро посетителей и среди них ни одного русского. «Скорее всего, беженцы из Чечни», – подумал Осипов. За одним из столиков торопливо ели две полные женщины. Как понял Осипов, обе куда-то спешили. За другим столиком трое мужчин пересчитывали свои скудные средства, решая, хватит ли им на выпивку и закуску или придется ограничиться чем-то одним. Поняв, что посетителей чебуречной он нисколько не интересуется, Сергей Осипов также утратил к ним интерес и приступил к еде. Обжигаясь капающим жиром, Сергей кое-как съел один чебурек, совершенно не почувствовав вкуса. В ожидании, пока чебульки остынут, он решил заглянуть в захваченную с собой газету. Но освещение в чебуречной оказалось слишком плохое, и Сергей вскоре газету отложил. В конце концов, разделавшись с чебуреками, Осипов вытер руки все той же газетой и, выходя на улицу, выбросил ее в мусорную корзину.

Работник, в обязанности которого входило протирать столы, мыть пол и вообще убирать в чебуречной, по приказу хозяина тут же заменил мусорную корзину новой. Оставив ненадолго раздачу, Акоп вытащил из корзины смятую газету и осторожно развернул ее. Внутри, аккуратно завернутый в полиэтиленовый пакет, лежал трехдюймовый компьютерный диск. Акоп спрятал диск в потайной карман своих широких брюк.

Ночью, в строго определенное время, аппаратура спутниковой связи за две с половиной секунды выплюнула содержимое дискеты на пролетающий в этот момент над городом разведывательный спутник. Утром следующего дня, уже в расшифрованном виде, отчет Сергея Оси-

пова лег на стол руководителя службы внешнеполитической разведки Турции генерала Дауда. Полковник Керим, предварительно изучавший отчет, присвоил ему категорию «С». Данной категорией помечались сведения, указывающие на возникновение опасности для проведения запланированной турецкой разведкой операции. В отчете, составленном Осиповым, говорилось о прибытии в Моздок оперативной группы ФСБ во главе с полковником Чернышовым.

* * *

Сергей Осипов попал в Советскую армию после инженерно-строительного института. Он умело воспользовался отсрочкой и не пошел служить сразу после первого курса, как ему было положено по возрасту. Сергей успешно закончил институт и был распределен в строительное управление. Но тут выяснилось, что работа ему не нравится, так как в строители Сергей пошел не по призванию, а из желания получить доходную работу и должность. В конце восьмидесятых руководители строительных предприятий обладали огромными возможностями. Используемые при строительстве дефицитнейшие материалы, а вернее, возможность их распределения открывала широкую дорогу к обогащению. Во всяком случае, именно так представлял себе Сергей Осипов должность руководителя строительного треста или управления.

Однако путь от сменного мастера до начальника управления не близкий. И, столкнувшись с действительностью, Сергей затосковал. Проблемы, связанные с нехваткой кирпича или цемента, отсутствием строительной техники, пьянством рабочих, всем скопом обрушились на голову молодого специалиста. А тут еще закончилась отсрочка, и пришла пора идти в армию. Диплом об окончании строительного института однозначно определил его воинскую специальность. Сергей Осипов отправился служить в строительные части Министерства обороны. В институте, где проходил обучение Сергей Осипов, имелась военная кафедра, поэтому в армию Сергей попал не рядовым, а сразу офицером. Фактически Осипов оказался на той же работе, только теперь он ходил в лейтенантских погонах, а его рабочими были солдаты срочной службы. Сергей оказался человеком смывленным, поэтому быстро разобрался с положением вещей в своей строительной части, а разобравшись, понял, что воруют здесь не меньше, чем на гражданке, что подчиненные солдаты – это бесплатная рабочая сила, которую можно использовать по своему усмотрению. И самое главное, Осипов почувствовал практически полную безнаказанность, так как ни милиция, ни прокуратура в дела военных не вмешивались. Немного осложнял жизнь своим присутствием офицер военной контрразведки, который имелся в каждой воинской части. Поэтому Сергей заранее решил заручиться его поддержкой и вскоре настолько сдружился с офицером особого отдела, что тот начал активно рекомендовать Осипову перейти на службу в военную контрразведку.

К этой рекомендации Сергей подошел очень взвешенно. Обдумав ее со всех сторон, он решил предложение контрразведчика принять, так как посчитал его для себя очень выгодным. «Особист сам себе голова, – рассудил Сергей. – Перед ним все командование части заискивает. А если у особиста есть чем командира части прижать, то перед ним все полковники стелиться будут. Контрразведчик – это вам не командир строительного взвода». Получив от военной контрразведки направление на переподготовку, Сергей Осипов поступил на факультет повышения квалификации школы КГБ. Через три года, закончив его, Сергей Осипов получил звание старшего лейтенанта, а к своему диплому о высшем инженерном образовании добавил диплом о среднем военном. Правда, за то время, что он учился, в стране произошли кардинальные перемены. Перестал существовать Советский Союз. Ушел в небытие и КГБ, правда, Управление военной контрразведки сохранилось практически в своем неизменном виде.

Свежеиспеченный офицер военной контрразведки в свою строительную часть не попал, зато устроился в управление тыла Северо-Кавказского военного округа. На новой должности Осипов сразу приступил к реализации своего замысла. Всю поступающую к нему информацию

он делил на две части: кое-что отправлялось его начальству, а кое-что оседало в его собственном сейфе. Скрывать от своего руководства факты различных злоупотреблений старших офицеров управления тыла оказалось совсем нетрудно. Объяснение нашлось самое простое: имеющаяся информация нуждается в проверке. Когда накопленные факты о злоупотреблениях одного из заместителей начальника управления, по мнению Осипова, достигли критической массы, контрразведчик собрал их в одну папку и пришел к тому самому офицеру. Тертый полковник оценил, когда молодой контрразведчик собственной рукой уничтожил на его глазах все компрометирующие материалы. С этого момента старший лейтенант военной контрразведки Сергей Владимирович Осипов стал правой рукой полковника-расхитителя. А заручившись поддержкой контрразведчика, полковник перешел к хищениям совсем иного масштаба, но теперь Сергей Осипов был у него в доле.

Деньги быстро потекли к нему, и Сергей уже считал, что добился своего. Но в 1994 году войска Северо-Кавказского военного округа были брошены на усмирение мятежной Чечни. У военных контрразведчиков появились новые задачи. Большинство офицеров контрразведки, проходивших службу в Северо-Кавказском военном округе, были направлены в части действующей армии. Оказался среди них и Сергей Осипов, получивший к тому времени звание капитана. В тот день, когда Осипов узнал о новом назначении, он купил бутылку дорогой водки и вместе с ней пришел к заместителю начальника управления тыла, с которым они вместе проворачивали дела. Данная встреча происходила в рабочем кабинете заместителя начальника управления. Полковник взглянул на Осипова и на принесенную им бутылку понимающе и пригласил к столу. На столе появилась банка огурцов домашней засолки и батон копченой колбасы. Под хорошую водку и добрую закуску полковник выслушал Осипова, а потом сказал:

– Дурак ты, Серега! Ты просишь, чтобы я освободил тебя от Чечни. Сразу скажу: сделать этого я не смогу. У тебя есть свое начальство, ни меня, ни даже начальника управления оно слушать не будет. Поэтому вопрос о твоём переводе можешь считать делом решённым. Если ты этого не понимаешь, то просто дурак. Теперь о том, почему ты дурак вдвойне. – Полковник сделал многочисленную паузу и потом продолжил: – Ты боишься чеченцев. Понимаю. Но тебя ведь посылают не с автоматом по горам лазить, а на ту же должность особиста, только в механизированный полк. Там, конечно, тоже можно угодить под пулю, но на то ты и контрразведчик, чтобы глупо не подставляться. А теперь самое главное. Война – это огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, расходуемых ежедневно. Ты понимаешь, о чем я? Никто никогда не будет проверять, куда все это ушло на самом деле. Война все спишет. Вот где по-настоящему ловкий человек может развернуться. А ты все хнычешь: война, война.

Вскоре Осипов убедился, что разворовывание военного имущества идет повсеместно. В то время когда одни российские солдаты героически сражались с чеченскими бандитами, другие продавали тем же бандитам похищенное со складов оружие, боеприпасы, комплекты полевой формы, другое снаряжение и даже технический спирт. В подобных обстоятельствах Осипов колебался недолго. Однажды он задержал прапорщика, укравшего со склада ящик ручных гранат. Прапорщик смекнул, что дело для него может обернуться военным трибуналом, поэтому тут же предложил контрразведчику в качестве отступного все имеющиеся у него деньги, каковых оказалось две тысячи долларов. Осипов забрал у прапорщика и деньги, и гранаты, приказав ему устроить встречу с перекупщиком. Прапорщик пообещал такую встречу устроить. И вскоре все сделки между расхитителями и чеченскими бандитами проходили под контролем капитана Осипова, за что последний получал определенный процент.

Очень быстро о контрразведчике, оказывающем помощь в снабжении боевиков, узнал крупный чеченский полевой командир, с отрядами которого сражались подразделения полка, где служил Сергей Осипов. В чеченских отрядах было вдоволь легкого стрелкового оружия, зато совсем не было танков и артиллерии. Несмотря на отсутствие тяжелого вооружения, чеченские отряды действовали вполне успешно, нанося российским войскам ощутимые

потери. Во многом это объяснялось тем, что тактику действий чеченских отрядов планировал иностранный военный советник, турок по национальности, профессиональный разведчик Абдул Керим. Как в конце восьмидесятых, Керим снова сражался с российскими войсками, только теперь не в Афганистане, а в Чечне. Как только до Керима дошла информация, что некий российский офицер продает боевикам оружие, у турецкого разведчика сразу появилась мысль завербовать этого офицера. Керим встретился с Осиповым. Не раскрывая свою принадлежность к разведке иностранного государства, он предложил Осипову оказать чеченским отрядам помощь тяжелым вооружением. За пятнадцать тысяч долларов Сергей Осипов согласился выполнить поручение Керима.

По роду службы Осипову было известно обо всех случаях передислокации подразделений и боевой техники своего механизированного полка. Через неделю после разговора с Керимом Осипов узнал, что в полк после ремонта возвращаются три танка. С железнодорожной станции в район сосредоточения полка танки должны были передвигаться своим ходом. Осипов заранее выяснил маршрут их движения и передал его связнику Керима. Всех деталей осуществленной чеченскими боевиками операции он так и не узнал. В результате проведенного военной контрразведкой расследования удалось выяснить, что танки попали в искусно подготовленную засаду. Часть военнослужащих, составляющих танковые экипажи, чеченцы убили, а часть увели с собой в качестве заложников, при этом угнали и захваченные танки. Но даже контрразведчик Осипов, участвовавший в расследовании, не знал, что данную акцию провели вовсе не чеченцы, а профессиональные диверсанты под командованием бывшего командира роты спецназа капитана Мордасова. Как и сам Мордасов не знал, что опять действовал по указанию турецкого разведчика Керима. После информации о танках Осипов сообщил Кериму сведения об отправке большой партии крупнокалиберных минометов, которую тоже захватили нанятые чеченцами диверсанты. Потом был захват транспортного вертолета с грузом, который по приказу Осипова приземлился в том месте, где его ждал Мордасов со своей диверсионной группой. Осипов сообщал Кериму не только информацию о переброске оружия и боеприпасов, но также и сведения о планах командования. Таким образом, вся информация о перемещениях механизированного полка и направлении его ударов заранее становилась известна чеченским боевикам. За информацию Керим щедро платил. За два года чеченской войны Сергей Осипов заработал более ста тысяч долларов. По его информации, диверсанты Мордасова и чеченские бандиты уничтожили не менее роты российских солдат. Таким образом, за смерть каждого российского солдата Сергею Осипову было заплачено примерно по тысяче долларов.

В 1996 году, еще до окончания чеченской военной кампании, механизированный полк Осипова вывели из зоны боевых действий и перевели во Владикавказ. Там и состоялась решающая встреча Сергея Осипова с турецким разведчиком Керимом. На этот раз Керим был откровенен и раскрыл все карты, сообщив, что представляет разведку иностранной державы. В своем предательстве Осипов зашел слишком далеко, чтобы иметь возможность отказаться от дальнейшего сотрудничества. Опытный вербовщик Керим все рассчитал точно. Осипов решил, что работать на турецкую разведку более безопасно, чем помогать чеченским боевикам, и в то же время более выгодно.

После вывода российских войск из Чечни в 1996 году турецкая разведка временно законсервировала своего агента. Лишь единственный раз Осипов передал Кериму сведения, касающиеся частей и подразделений Северо-Кавказского военного округа. Впрочем, запрашиваемые сведения не являлись секретом для турецкой разведки, а требовались лишь для того, чтобы проверить достоверность сообщаемой Осиповым информации. До осени 1999 года Керим практически не беспокоил своего агента на Северном Кавказе. Но с началом антитеррористической операции в Чечне оперативная ценность Сергея Осипова как агента турецкой разведки резко возросла. Осипов получил задание перебраться на главную базу российской военной группировки на Северном Кавказе. Воспользовавшись своими связями, он добился перевода

в Моздок. Начальство благосклонно отнеслось к желанию участника чеченской военной кампании 1994 – 1996 годов снова оказаться в сражающейся с боевиками армии. Майор Осипов был назначен представителем военной контрразведки на военную базу в Моздоке. Под его контрразведывательным обеспечением оказались военный аэродром Моздока и расположенные непосредственно на аэродроме многочисленные армейские склады. Таким образом, служба генерала Дауда, кроме спутниковой разведки, получила еще один источник информации о военных поставках Северо-Кавказской группировке федеральных сил. Учитывая особую ценность агента и важность сообщаемой им информации, для связи с Осиповым в Моздок был направлен специальный человек.

* * *

Хозяин чебуречной Акоп на самом деле был стопроцентным турком. Сулейман Оглу прибыл в Россию под видом наемного строительного рабочего. Российские строительные компании активно использовали сравнительно дешевый труд турецких строителей. Поэтому в Россию регулярно въезжало большое их количество. Турецкая разведка не упустила возможности внедрить в Россию своих агентов-нелегалов. По прибытии в Россию турок Сулейман Оглу исчез, зато в Моздоке появился балкарец Акоп, открывший дешевенькую чебуречную на автовокзале. Акоп исправно платил дань местным рэкетирам и тихо вел свой незатейливый бизнес. При взгляде на помятого, всегда небрежно одетого хозяина чебуречной ни у кого и мысли не могло появиться, что на снимаемой им квартире хранится современнейшая аппаратура спутниковой связи, способная за считанные секунды сбрасывать на спутник целые массивы информации. Даже в стране, производящей дорогостоящую аппаратуру, она относилась к разряду специальной и поэтому никогда не попадала в свободную продажу.

10

В Анкаре

22.X, пятница, 09.05

Шеф внешнеполитической разведки Турции генерал Дауд снял с носа очки в изящной золотой оправе и аккуратно положил их перед собой. Очки турецкий генерал не любил, считал, что они старят его. Однако при чтении документов Султан Дауд уже не мог обходиться без очков, поэтому вынужден был их надевать. Сейчас он только что закончил изучение отчета, предоставленного начальником русского отдела. За исключением коротких комментариев начальника отдела, его отчет содержал сообщение агента в Моздоке. Проводимая турецкой разведкой на Северном Кавказе операция находилась под личным контролем генерала Дауда, поэтому все сообщения агентуры, касающиеся этой операции, докладывались Дауду незамедлительно. Начальник русского отдела полковник Керим стоял рядом и ждал замечаний генерала. Дауд поджал пухлые губы и с шумом выдохнул воздух через ноздри, потом поправил дужки своих очков. Пауза затягивалась, Керим терпеливо ждал. В конце концов генерал указал рукой на стул за своим столом. Керим понял, что разговор будет долгим. Полковник сел и снова выжидательно посмотрел на генерала.

– Вы не считаете, что при подготовке операции мы в чем-то допустили ошибку? – спросил генерал.

– Нет, господин генерал.

Дауду понравилось, что начальник русского отдела ответил сразу, без всяких пауз. За подготовку и осуществление северокавказской операции отвечал лично полковник Керим. Он являлся автором ее разработки и сейчас руководил проведением.

– Но агент сообщает о прибытии в Моздок специальной группы ФСБ во главе с полковником из Управления по борьбе с терроризмом.

– Да, господин генерал, я обратил на это внимание, поэтому и присвоил сообщению категорию «С», – ответил Керим. – В то же время, даже учитывая опасность, которую могут представлять офицеры из Управления по борьбе с терроризмом, я бы не сказал, что операция находится под угрозой. Приезд этих офицеров в Моздок вызван лишь тем, что руководство ФСБ опасается возможных диверсий со стороны чеченских боевиков, однако объекты диверсий ни руководству ФСБ, ни военному командованию не известны.

– Однако оперативная группа российской службы безопасности прибыла именно в Моздок, – заметил Дауд.

– Моздок – главная база российских войск на Северном Кавказе, там размещается штаб федеральных сил. Вполне естественно, что оперативная группа ФСБ прилетела именно туда.

– Вполне естественно, – повторил слова Керима генерал Дауд. – А что, если и командование российских федеральных сил поймет, что военная база в Моздоке наиболее привлекательный объект для диверсии?

– Российское командование недооценивает возможности противника, – ответил Керим. – Вернее, российские военные правильно оценивают возможности чеченских боевиков. Они понимают, что чеченцы в нынешних условиях не способны на проведение масштабной акции, которая могла бы остановить продвижение федеральных войск. Но российскому командованию ничего не известно о наличии нашего агента на военной базе в Моздоке, а также о диверсионной группе Мордасова, которой поручено проведение акции.

– Кстати, эти бывшие российские спецназовцы уже приняли наши предложения? – поинтересовался Дауд.

– Мордасов уже вылетел на переговоры со своими бывшими соратниками. После того как ближневосточные инвесторы согласились поднять сумму контракта до четырех миллионов долларов, я уверен, Мордасову удастся уговорить своих бывших бойцов.

– Вы считаете, что его диверсионная группа справится с поставленной задачей?

– За те годы, что они были военными наемниками, диверсанты показали себя с самой лучшей стороны. Они успешно действовали в самых разных точках по всему миру, в том числе и в Чечне в 1994 – 1996 годах. Они лучшие из всех, кому можно поручить проведение подобной акции.

– Надеюсь, мне не надо вам объяснять, насколько данная акция отвечает интересам нашего государства, – выделяя каждое слово, сказал генерал Дауд. – Если наступление российских войск захлебнется, чеченские полевые командиры поймут, что тактика диверсий имеет успех. А пока за диверсионную войну выступает только Басаев с Хаттабом. Россия не выдержит длительной войны. Колоссальные военные расходы и все возрастающее число жертв заставит Россию отказаться от давления на Чечню. Поэтому мы должны сорвать успешное наступление русских. Мы слишком много вложили в этот регион, чтобы отдать его Москве. 18 – 19 ноября в Стамбуле состоится саммит ОБСЕ³. Запланированная нами акция, безусловно, должна поколебать твердость позиции России по Северному Кавказу на встрече в Стамбуле.

– Я все понимаю, господин Дауд, – кивнул Керим.

Из кабинета руководителя внешнеполитической разведки полковник Керим вышел с твердым намерением довести запланированную акцию до конца. Слишком многое было поставлено на карту – от внешнеполитических интересов Турции и стран арабского мира до личной заинтересованности полковника Керима. Успех акции сулил для полковника Керима дальнейшее продвижение по службе, почти наверняка генеральское звание, а также значительные материальные выгоды.

---

³ ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

11

Соратники 22.X, пятница, 12.15

Они сидели в уютном баре, принадлежащем местному яхт-клубу. Перед каждым стояла чашка кофе и порция затейливого мороженого. В центре столика красовалась на четверть опустевшая бутылка дорогого джина и вазочка с орешками. Большую часть джина выпил Степан Мордасов. Его собеседник, подтянутый человек среднего возраста, пил мало, а в основном просто гонял налитый джин по стенкам своего бокала. «Поддерживает форму», – удовлетворенно подумал Мордасов.

Перед ним сидел бывший член его диверсионной группы Кирилл Сайдаков, лучший снайпер батальона спецназа. С Сайдаковым Мордасов не виделся около двух лет. Срок небольшой, но Мордасова поразило, насколько тот изменился. Сейчас перед ним сидел модно одетый человек с вальяжными манерами и немного ленивым взглядом. Сайдаков пришел на встречу в кроссовках, светлых джинсах, белой теннисной рубашке и светлом свитере, небрежно брошенном на плечи. Несмотря на небрежный стиль в одежде Сайдакова, Мордасов видел, что все эти вещи куплены в элитном магазине и стоят больших денег, да и выбранный Сайдаковым бар был одним из самых дорогих на побережье.

«Не согласится», – подумал Мордасов, следя за тем, как Сайдаков подзывает к себе официанта. Приняв заказ, официант ушел, а Сайдаков усмехнулся и сказал:

– Черт, ты даже не можешь представить себе, командир, как я рад тебя видеть. Живу вроде нормально, но иногда так хочется поговорить по душам, а не с кем. Не с кем, понимаешь? Местные – тьфу, им душу русского человека никогда не понять.

– Так сейчас и туристы из России в Греции появляются, – заметил Мордасов.

– Да, русских в Греции сейчас навалом, в любом баре встретишь. Но разве могут они составить тебе или мне компанию? У них же одни разговоры: баксы, бабы. Строят из себя крутых, а каждого мизинцем можно перешибить.

– Ну и как, приходилось? – спросил Мордасов.

– Не понял? – Сайдаков сдвинул брови к переносице.

– Перешибать, говорю, приходилось?

Сайдаков сразу стал серьезен. Залпом осушил свой стакан и, глядя в глаза Мордасову, сказал:

– Ты звал меня, Степан, я тебя слушаю.

Мордасов оглянулся по сторонам.

– Здесь можно говорить?

– Совершенно спокойно. Я член клуба. Моя яхта стоит возле третьего причала. Здесь меня все знают и уже давно не проявляют интереса.

– Ладно. Прежде чем я перейду к сути, ответь мне: после того как мы расстались два года назад, тебе приходилось работать по специальности?

– Гм... – Сайдаков усмехнулся и отвел глаза. – А от тебя, командир, ничего не скроешь. Да, может, это и к лучшему. Ты спрашиваешь, приходилось ли мне работать по специальности? Тогда ответь мне: хватило бы тех денег, что мы заработали, на греческий паспорт, на яхту, на членство в этом клубе, вот на эти шмотки, наконец?

Мордасов облегченно рассмеялся:

– Ты такой же, как и мы все. Ты знаешь, я купил отель на Кипре. Но если я в ближайшее время не рассчитаюсь с долгами, отель отберут кредиторы. – Мордасов плеснул джина в свой стакан и, подражая Сайдакову, залпом выпил. – А ты, значит, стал киллером мафии.

– А хрен его знает, – беспечно махнул рукой Сайдаков. – Я просто подумал, зачем менять профессию, если и прежнее умение в большой цене. А кто является заказчиками, мне до лампочки. Лишь бы платили исправно.

– С чем обычно работаешь?

– Знаешь, что такое «нитроэкспрессы»? Это такие нарезные двухстволки, из которых с пары сотен метров можно завалить слона. Против любого бронежилета отличный инструмент.

– Полиция не беспокоит?

– Ну раз я сижу перед тобой, значит, не беспокоит. И потом, я же еще и уважаемый член местного охотничьего клуба, постоянный участник африканских сафари.

– Сколько берешь за выстрел?

– По-разному, но не меньше ста тысяч.

Мордасов удивленно присвистнул.

– А что ты думаешь? – самодовольно заметил Кирилл Сайдаков. – Подобные услуги нынче в цене. Я вот слышал про одного мастера, так у него самый дешевый контракт стоит миллион долларов.

– Ну ладно, – переходя к делу, сказал Мордасов. – Вот именно о таком контракте я и хотел с тобой поговорить.

В бутылке осталось еще больше половины содержимого, но к спиртному Мордасов с Сайдаковым больше не прикасались. Из бара они вышли вместе, а на следующий день так же вместе вылетели в Анкару.

12

Васильченко 23.X, суббота, 16.25

Капитан Васильченко оказался рослым парнем и такого же телосложения, как Олег Муромцев. До прихода в оперативную группу Чернышова Олег Муромцев служил в спецподразделении «Альфа». Капитан Васильченко командовал разведротой, то есть возглавлял одно из спецподразделений армейской разведки. Принадлежность к касте элитных военных делала Муромцева и Васильченко в чем-то похожими друг на друга, хотя внешне они были совсем разными.

По просьбе Чернышова майор Осипов разыскал по спискам офицеров военной разведки личное дело капитана Васильченко. Накануне Павел Чернышов успел ознакомиться с делом и убедился, что слухи о подвигах капитана растут не на пустом месте. В этом убеждали три боевые награды капитана, включая орден «За личное мужество» первой степени. Как обычно, наградные листы были довольно скупы, но полковник Чернышов прекрасно понимал, что скрывается за словами «За проявленное при этом мужество и героизм...». Чем дальше Чернышов читал личное дело капитана-разведчика, тем больше ему хотелось увидеться с ним. Однако разыскать самого капитана Васильченко оказалось гораздо сложнее, чем его личное дело. На это ушел весь предыдущий день и часть нынешнего.

Рота, которой командовал капитан Васильченко, действовала где-то на юго-восточном направлении. Разведчикам было поручено изучить огневые позиции и укрепления боевиков в районе населенного пункта Ачхой-Мартан. Разведку решено было производить двумя взводами, один из которых должен был двигаться по земле на БТРах, а другой забрасывался в тыл боевикам на вертолетах. Однако из-за тумана в горах и низкой облачности вылеты вертолетов отменили, и операцию пришлось отложить. Капитан Васильченко нервничал в ожидании дальнейших распоряжений. Наконец он получил новый приказ, но совсем не тот, что ожидал. Приказ прибыть в штаб Северо-Западной группировки Васильченко посчитал полной глупостью, так как он пришел в момент подготовки важной разведывательной операции. Однако нарушить его не решился. Оставив за себя командира первого взвода, Васильченко выехал в Моздок. Вызов был санкционирован офицером военной контрразведки, поэтому от поездки в штаб Васильченко не ожидал для себя ничего хорошего. По дороге в Моздок он пытался вспомнить, за какие грехи ему придется держать ответ перед военной контрразведкой.

В штабе Васильченко узнал, что с ним хочет побеседовать прибывший из Москвы полковник Федеральной службы безопасности. Это известие немного успокоило Васильченко. Однако при встрече с Чернышовым держался настороженно. Встреча проходила в кабинете представителя военной контрразведки. Найти в штабе незанятое помещение, где можно было бы спокойно поговорить, оказалось невозможно, и Осипов охотно предоставил Чернышову свой кабинет.

Войдя в кабинет, Васильченко увидел незнакомого полковника, который с интересом разглядывал комнатный цветок на подоконнике. Полковник капитану сразу не понравился. Как истинно военный человек, Васильченко не любил людей, которые наряжаются в военную форму и при этом не умеют ее носить. Сразу было ясно, что полковник всю жизнь проходил в гражданском и за это время военную форму надевал всего несколько раз. Вроде бы все было подобрано по размеру, а все равно форма сидела на нем как с чужого плеча.

– Вы не знаете, как называется это растение? – спросил полковник, указав на цветок.

Васильченко неопределенно пожал плечами и ответил:

– Нет.

Вопрос полковника он посчитал уловкой для установления контакта.

На самом деле Павел Чернышов задал свой вопрос совершенно искренне. Цветок его действительно заинтересовал, а спросить у Сергея Осипова, как он называется, Чернышов не успел. Интерес к комнатным растениям у Чернышова подпитывался его дочерью Ксенией. Биологией Ксения увлеклась еще в детстве, сейчас училась в медицинском колледже и считала незнание названий комнатных растений признаком безграмотности.

– Ну, впрочем, это к делу не относится, – сказал Чернышов, отвлекшись от цветка. – Давайте познакомимся. Меня зовут Павел Андреевич, я начальник оперативной группы Управления по борьбе с терроризмом.

– Андрей... Георгиевич, – добавил Васильченко после небольшой паузы.

– Андрей, здешние офицеры характеризуют вас как настоящего специалиста по борьбе с чеченскими диверсантами. Я читал ваше личное дело и могу сказать, что такую характеристику вам дают вполне заслуженно, – сказал Чернышов, заметив смущение армейского капитана. – У вас на счету несколько успешных операций, проведенных против чеченских диверсионных формирований и во время предыдущей, и во время нынешней войны. И поэтому я хочу обратиться к вам за помощью.

– Что же это, Федеральной службе безопасности, да еще Управлению по борьбе с терроризмом, вдруг понадобилась помощь военной разведки? – все еще недоверчиво спросил Васильченко.

Чернышов смерил Васильченко внимательным взглядом.

– Андрей, мне не понравился ваш вопрос. Давайте оставим разбирательство о том, чья служба нужнее, а чья даром ест хлеб, для тех, кто находит удовольствие в подобном выяснении отношений. А у нас есть задача поважнее – защитить людей, военных и гражданских, и искоренить терроризм во всех его проявлениях.

Васильченко смутился и не нашел что ответить.

Чернышов уловил перемену в настроении капитана и сказал:

– Я порой говорю жестко, но обижаться на это не стоит. Если нам предстоит работать вместе, думаю, и вы предпочтете, чтобы ясность в наших отношениях была с самого начала.

– Что вы, товарищ полковник, я и не думал обижаться, – ответил Андрей Васильченко. – А за урок спасибо.

Чернышов рассказал Андрею Васильченко о цели своей командировки. Васильченко слушал внимательно. Вызов в штаб группировки уже не казался ему таким уж бессмысленным. Армейскому разведчику впервые встретился человек, который отнесся к борьбе с чеченскими диверсантами с должным вниманием.

– Эх, товарищ полковник, – удрученно вздохнул Андрей Васильченко. – Если бы мы с вами встретились в 1994 или хотя бы в 1996 году, уверен, «призракам» тогда бы не удалось уйти.

Чернышов тут же уловил новое слово и заметил, с каким тяжелым чувством Андрей Васильченко его произнес.

– «Призраки»? О чем ты?

С сотрудниками своей оперативной группы Чернышов разговаривал на «ты». От волнения он и к армейскому капитану обратился точно так же. Но Андрей Васильченко даже не заметил перемены в обращении – настолько прошлые воспоминания захватили его.

– Ну да, вы же не знаете, – еще раз тяжело вздохнул он. – В оперативных документах мы так именовали одну чеченскую диверсионную группу. «Призраки» – это название лучше всего подходило им. Появлялись, как призраки, из ниоткуда и так же в никуда исчезали. А за собой оставляли трупы наших солдат. Я больше года гонялся за ними, и ничего. Мои солдаты выслеживали их на горных тропах, устраивали засады в месте предполагаемых диверсий, все оказалось бесполезно. Когда мы ждали их в одном месте, они наносили удар в другом. «Призраки»

никогда не оставляли свидетелей. Захваченных пленных или уводили с собой, или добивали на месте. С конца 94-го года и до момента вывода наших войск из Чечни «призраки» совершили более двадцати диверсионных акций, уничтожая наших солдат и офицеров, захватывая оружие, военную технику, боеприпасы. И за все это время мы так ничего и не узнали об этой диверсионной группе.

– А вы, Андрей, ничего не путаете? – настороженно спросил Чернышов. – Перед поездкой сюда я просматривал материалы о деятельности чеченских диверсантов во время военной кампании 1994 – 1996 годов. Там нет упоминания о той диверсионной группе, о которой вы говорите.

– Ну да, конечно. Все документы оформляла военная контрразведка, – сказал Андрей и отвернулся, чтобы Чернышов не увидел его беспомощного взгляда. – Контрразведчики, проводящие расследования по факту диверсий, не усмотрели признаков действий одной и той же группы. Но я-то был там, и мои солдаты тоже были! И я вам со всей ответственностью заявляю: почерк во всех диверсиях один и тот же! Но контрразведка даже не стала меня слушать. Все наши документы отправили назад, а мои собственные выводы посчитали плодом воображения.

– У вас сохранились документы собственного расследования? – спросил Чернышов.

– Сохранились. А если что и утеряно, то я и сейчас отлично все помню.

Чернышову не хотелось сомневаться в выводах военной контрразведки, тем более что сам он не участвовал в расследовании, но уж слишком уверенно звучали слова армейского капитана.

– Мне бы хотелось взглянуть на ваши документы, – сказал Чернышов.

– Договорились, – ответил Васильченко. – Только они у меня не с собой, остались в расположении роты. Мы сейчас занимаем позиции на западной окраине станицы Ассиновская. Это в двадцати километрах от Ачхой-Мартана. Если нужно, я могу подвезти вам эти документы.

– В этом нет необходимости, – возразил Чернышов. – Завтра с утра мы вместе с вами выезжаем в район расположения вашей роты. Как, пустите на позиции трех оперативников из Москвы? – с усмешкой спросил Чернышов.

– Можно и пустить, если начальство не будет против, – заметил Васильченко. – Только знаете, там стреляют.

– Ничего, в Москве такое тоже иногда случается, – ответил Чернышов.

13

В разведроты 24.X, воскресенье, 13.45

Армейский «УАЗ-469» подпрыгивал на ухабах разбитой тяжелой техникой грунтовой дороги. Сержант-водитель раскачивался на своем сиденье в такт каждому подбрасыванию машины. Этими своими движениями он скорее напоминал лихого наездника, чем водителя армейского автомобиля. На соседнем с водителем сиденье расположился капитан Васильченко, положив автомат себе на колени. Он всецело был поглощен изучением дороги и ее окрестностей. Возможная засада чеченских боевиков армейского разведчика беспокоила гораздо больше, чем вызываемые тряской неудобства. На заднем сиденье «уазика» в полном составе разместилась оперативная группа Управления по борьбе с терроризмом. Задняя подвеска «уазика» оказалась еще более жесткой, поэтому и тряску задние пассажиры ощущали сильнее. Наконец Артем Ветров, которому досталось самое неудобное место, не выдержал и сказал, обращаясь к капитану Васильченко:

– Вы бы, Андрей, захватываемые у бандитов джипы оставляли у себя в роте в качестве трофеев. И ездят быстрее, и комфорту в них несоизмеримо больше.

– Надо подумать, – безразлично ответил Васильченко, не спуская глаз с дороги.

Как раз в этот момент машину ощутимо трянуло, и локоть Чернышова впечатался Артему под ребра. Ветров преувеличенно громко вскрикнул и замолчал.

В район расположения разведроты все добрались благополучно, если не считать затекших суставов да ушибленных коленей.

– Может быть, для начала пообедаем? – спросил Андрей Васильченко, выпрыгивая из «уазика».

– Отличная мысль, – тут же поддержал его Артем Ветров.

Чернышов рассчитывал выехать из Моздока рано утром. Но поездка на передовую требовала согласования с армейским начальством. На это ушло время. В итоге из Моздока оперативная группа Чернышова выехала значительно позднее, чем планировалось. По этой причине в расположение разведроты оперативники добрались только к середине дня.

По пути к армейской палатке, где расположилась полевая кухня, Павел Чернышов с интересом осматривал лагерь. Он был совсем не похож на то, что Чернышов увидел на военной базе в Моздоке. И дело даже было не в том, что военный городок в Моздоке был выстроен из кирпича, а здесь вместо кирпичных строений стояли брезентовые палатки. В полевом лагере совершенно не было суеты, которую Чернышов постоянно наблюдал в Моздоке. Моздок по сути являлся перевалочной базой Северо-Западной группировки. Туда постоянно прибывали свежие части, а также те, что, наоборот, выводились из зоны боевых действий. Всех этих военнослужащих требовалось где-то разместить и обеспечить питанием. Там, на базе, командирам подразделений приходилось в основном решать хозяйственные вопросы. А здесь, на передовой, шла война. И основными вопросами были военные, связанные с выполнением боевой задачи.

В полевых условиях нормы довольствия солдат и офицеров были одинаковыми. Павел Чернышов и его оперативники получили по тарелке солдатской каши с кусочками мяса и по кружке компота. При виде незнакомого полковника повар щедро наложил кашу в глубокие алюминиевые тарелки и добавил туда мясной подливки. Рядом с полевой кухней был сооружен брезентовый навес, под которым стоял длинный, сколоченный из досок деревянный стол. Под этим навесом и расположились прибывшие из Москвы оперативники. Солдатская каша

действительно показалась необычайно вкусной, а может быть, на воздухе просто разыгрался аппетит.

– С такой едой и воевать можно, – заметил Артем Ветров, облизывая свою алюминиевую ложку. – Я вот что думаю, Павел Андреевич...

Договорить Ветров не успел. Как раз в этот момент стоящая перед Чернышовым тарелка подпрыгнула, а ему в щеку впиалась отлетевшая от стола щепка.

– Ложись! – что есть силы закричал сидящий рядом с Чернышовым капитан Васильченко и, первым вскочив из-за стола, толкнул Чернышова на землю.

Муромцев спиной свалился со скамейки и при этом успел сдернуть за шиворот оторопевшего Ветрова. На столе опрокинулась чашка с компотом, и сладкая жидкость тонкой струйкой полилась вниз, просачиваясь сквозь неплотно подогнанные доски.

– Не высовывайтесь! – крикнул оперативникам Васильченко, а сам выполз из-под стола и закричал в пространство: – Огонь! Огонь! Наблюдатели, как подпустили снайпера?!

Муромцев рассмотрел две дырки в брезентовом пологе и крикнул Андрею Васильченко:

– Он бьет с северо-востока!

Васильченко обернулся, чтобы отдать соответствующее распоряжение своим бойцам, но этого не потребовалось. На северо-восточной оконечности лагеря уже грохотал станковый пулемет. Дав четыре длинные очереди, пулемет умолк. Васильченко поднялся на ноги и, отряхивая свою испачканную в пыли форму, заметил:

– Ну все, больше выстрелов не будет. Чеченские снайперы обычно в быстром темпе делают несколько выстрелов и сразу уходят с позиции. Наловчились, гады, уже знают, что мы их позицию сразу огнем накроем.

– И часто у вас такое веселье? – спросил Ветров, вылезая из-под стола.

– Случается, – хмуро ответил Васильченко. Командир разведроты испытывал некоторую вину оттого, что уже в день своего прибытия оперативники ФСБ подверглись обстрелу чеченского снайпера.

– А ты у боевиков график обстрелов попроси, – ответил Чернышов на вопрос Ветрова.

Ответ Чернышова прозвучал довольно грубо, так как у него болела пораненная щека. Чернышов уже вытащил из раны отлетевшую от стола щепку, но та впиалась глубоко, и кровь все еще продолжала идти. Чернышов пытался зажать рану рукой, но, видя, что это не помогает, приложил к ней носовой платок.

– Вам в медпункт надо, товарищ полковник, – уверенно сказал Васильченко.

– Ладно, – кивнул Чернышов. – Снайпера-то хоть удалось уничтожить?

– Вряд ли, – вздохнул Васильченко. – Для этого одного пулемета мало. Чтобы стопроцентно накрыть его огневую позицию и путь отхода, пришлось бы выпустить не менее полусотни мин, а это почти весь наш боезапас. Вот когда по бликам оптики или по шевелению кустов удастся обнаружить огневую позицию снайпера еще до выстрела, тогда ему, как правило, не удастся уйти. Поэтому вся надежда на наблюдателей. Но, как вы только что видели, и наблюдатели порой подводят.

– А ведь на северо-восток от лагеря наша территория? – недоуменно спросил у Васильченко Олег Муромцев.

– Наша, – усмехнулся Васильченко. – Здесь же нет сплошной линии обороны. Территория, очищенная от боевиков, считается нашей. Но если боевиков нет сегодня, это еще не значит, что они не появятся завтра.

– Понятно, – опять кивнул Чернышов и поморщился от пронзившей щеку боли. – Что ж так больно, неужели какой-то нерв поврежден? – раздраженно спросил он.

– Пойдемте в медпункт, – настойчиво сказал Васильченко.

По пути к палатке, где располагался ротный медпункт, Андрей Васильченко тихо сказал Чернышову:

– А это ведь в вас стреляли, товарищ полковник. Чеченские наблюдатели заметили появление в лагере полковника, вот их командир и послал сюда снайпера. Так что эти выстрелы вам предназначались.

– У вас сегодня, Павел Андреевич, своего рода боевое крещение, – заметил Артем Ветров, слышавший последние слова капитана Васильченко. – Так что вас можно поздравить. А отделались вы сравнительно легко.

– Товарищ полковник, я думаю, полковничью форму вам пока лучше сменить. А то ведь чеченские боевики могут и повторить свою попытку, – серьезно заметил Васильченко.

Военный врач, осмотрев щеку Чернышова, обнаружил в ране еще один отколовшийся кусок щепки, который и причинял боль. Врач удалил щепку, промыл и обработал рану, а потом заклеил ее лейкопластырем с марлевым тампоном. Боль сразу прошла, и Чернышов вышел из медицинской палатки заметно повеселевшим.

14

В разведрооте 25.X, понедельник, 12.00

Они сидели в штабной палатке все трое: полковник Чернышов во главе стола, Муромцев и Ветров по бокам. Палатка называлась штабной весьма условно, так как никакого штаба боевой устав Российской армии в таком подразделении, как рота, не предусматривает. Однако проводить совещания командиру роты с командирами взводов все равно где-то необходимо. В разведрооте капитана Васильченко этим целям служила так называемая штабная палатка. Палатка была гораздо меньше обычных армейских палаток, но в ней все же могли поместиться несколько человек, сидящие вокруг раскладного стола. Сейчас в палатке находилась только оперативная группа полковника Чернышова. Капитан Васильченко занимался подготовкой предстоящей разведывательной операции в районе населенного пункта Ачхой-Мартан.

Второй день Павел Чернышов вместе со своими сотрудниками занимался изучением предоставленных разведчиками документов. Уже после первых просмотренных страниц Чернышов убедился, что установить истину будет очень не просто. Все документы, составленные Андреем Васильченко и его разведчиками, были выполнены крайне непрофессионально. За что их, конечно, не стоило винить, так как в задачу военных разведчиков не входит проведение оперативно-следственных действий. От них требуется совсем другое: разгромить штаб противника, уничтожить радиолокационную установку или взорвать склад боеприпасов. Проведение расследований по факту диверсий возложено на другие службы, в частности на военную контрразведку, с документами которой Чернышов успел ознакомиться еще в Москве.

– Павел Андреевич, ну это несерьезно, – сказал Артем Ветров, перевернув очередную страницу. – Что мы пытаемся найти? Доказательства действий одной и той же диверсионной группы? А как их можно найти, если из документов вообще невозможно понять, где и как произошла диверсия? Ни описания места происшествия, ни обнаруженных при этом следов, я уж не говорю о фотографиях, вообще ничего. Одни выводы. Так на пустом месте я могу еще не то придумать.

Чернышов устало посмотрел на Ветрова. Всем своим видом тот демонстрировал полное нежелание заниматься бессмысленной, с его точки зрения, работой.

– Артем, представь, что у тебя есть только эти документы, но тебе все равно надо разобраться, как в действительности происходило дело, – делая ударение на словах «эти» и «надо», сказал Чернышов.

– Ну тогда надо фактически проводить новое расследование, снова выезжать на места диверсий, по новой опрашивать свидетелей, – недовольно вздохнул Ветров, но все же опять устался в бумаги.

В отличие от своих товарищей Павел Чернышов перед вылетом в Моздок самым внимательным образом изучил документы военной контрразведки, описывающие действия чеченских диверсантов во время военной кампании 1994 – 1996 годов. О событиях, описываемых Андреем Васильченко, он уже читал в изложении военных контрразведчиков. Поэтому скупые описания армейских разведчиков Чернышов дополнял деталями из отчетов военных контрразведчиков. И чем дольше Чернышов сравнивал эти отчеты, тем больше они ему не нравились. С отчетами военной разведки все было понятно. Они составлялись дилетантами, поэтому не выдерживали серьезной критики. Но с отчетами военной контрразведки все обстояло по-другому. Их составляли профессиональные оперативники и не менее профессиональные эксперты-криминалисты. В этих отчетах просто не должно было быть никаких неясностей. Когда в Москве Чернышов читал составленные отчеты и сделанные на их основании выводы, он решил,

что все обстоит именно так. Все отчеты показались Чернышову грамотными, а выводы убедительными. Однако в отчетах военной разведки описывались дополнительные детали, о которых даже не упоминали контрразведчики. Эти детали сами по себе еще ничего не говорили, тем не менее они поколебали первоначальное мнение Чернышова о выводах контрразведки. Ему очень не хотелось сомневаться в компетентности военных контрразведчиков, и тем не менее несоответствие отчетов контрразведчиков с наблюдениями военной разведки слишком сильно бросалось в глаза.

Павел Чернышов посмотрел на Олега Муромцева. Как бывший сотрудник антитеррористического подразделения «Альфа», Муромцев лучше других разбирался в тактике диверсионных операций. Чернышов увидел, как Олег Муромцев сосредоточенно перечитывает один из лежащих перед ним листов. Дочитав лист до конца, Олег не отправил его в стопку уже прочитанных, а положил перед собой. Потом он снова вернулся к прочитанным прежде страницам. Из стопки прочитанных листов Олег вытащил два. Бегло пробежав взглядом, он также положил их перед собой, рядом с первым. Чернышов с интересом наблюдал за этим пасьянсом.

– Тебя что-то насторожило, Олег? – поинтересовался Чернышов.

– Даже не знаю, как объяснить, Павел Андреевич, – ответил Олег, не отрывая глаз от разложенных перед собой листов. – У меня появилось какое-то странное ощущение. Я как будто знаю, что будет написано на следующей странице.

– Объясни поточнее, – попросил Чернышов.

– Вот описание действий диверсантов во время трех операций. – Олег указал на разложенные перед собой листы. – Так они действовали, по мнению Андрея Васильченко. Будь я на месте командира диверсантов, я бы действовал точно так же. Перед нами совершенно классическая схема действий нашего отечественного спецназа.

– Так что, ты хочешь сказать, все эти нападения были организованы и проведены нашим российским спецназом? – спросил Артем Ветров.

– Нет, конечно, – возразил Олег. – Но схема действий одна и та же, просто идентичная схема.

– Классическая, идентичная? – повторил слова Олега Павел Чернышов.

– Да, вот взгляните сами. Момент открытия огня, последовательность уничтожения целей, пути отхода – все совпадает.

Чернышов встал и подошел к Олегу. Чернышов внимательно читал отчеты военных разведчиков, и взгляд его становился все мрачнее. Муромцеву показалось, что начальник не до конца понимает прочитанное. Ведь отчет был написан сугубо профессиональным языком.

– Вам, наверное, сложно понять, Павел Андреевич, – заметил Олег. – Речь идет о тактике специальных операций. Наши оперативники с этим не сталкиваются. Я сам изучал такие операции только в «Альфе».

– Да нет, я как раз понимаю, – ответил Чернышов, роясь в карманах в поисках сигарет.

Сигареты остались в куртке, в которой он прилетел из Москвы, о чем Чернышов сейчас очень сожалел. Во многом благодаря нравоучениям дочери Ксении Павел Чернышов курил мало, но при волнении часто испытывал острую потребность закурить. Сейчас был именно такой случай. Чернышов явственно вспомнил события, участником которых он был более десяти лет назад. Он был уверен, что те события так и останутся воспоминаниями. Однако сейчас, перечитывая отчет о тактике действий неизвестной диверсионной группы, Чернышов почувствовал, что прошлое возвращается опять.

– Помните, я рассказывал вам про свои афганские командировки, – обратился Чернышов к Муромцеву и Ветрову. – Одна из этих командировок пришлось на 1987 год. Тогда из Афганистана уже начали выводить общевойсковые части, оставляя только элитные подразделения. За семь лет афганской войны наши войска уже приобрели опыт, необходимый для ведения боевых действий в горах. По сравнению с первыми годами войны потери значительно снизились. И вот

осенью 1987 года, словно опровергая общую тенденцию, душманы провели несколько успешных операций против наших войск, все в районе города Мазари-Шариф. Причем от рук душманов гибли уже не солдаты-первогодки, а бойцы отрядов специального назначения. Комитет государственной безопасности тогда внимательно следил за ходом боевых операций в Афганистане. И подобный факт, конечно, не остался незамеченным руководством КГБ. В Афганистан была направлена группа офицеров комитета, чтобы разобраться в причинах гибели наших военнослужащих. Я как раз был в числе тех офицеров. Чужая страна, возможностей для оперативной работы практически никаких. Сразу скажу, сделать нам тогда удалось немного. Однако мы выяснили: большие потери в нашем спецназе вызваны тем, что душманам стала известна тактика спецназовцев – вплоть до мельчайших подробностей. Так как в других провинциях Афганистана ничего подобного не было, нам стало понятно, что у душманов, действующих в районе Мазари-Шарифа, в качестве инструктора работает кто-то из бывших офицеров советского спецназа. Впоследствии это подтвердили и захваченные в плен душманы. Они сообщили, что в их отряде находится несколько советских военнослужащих, которые свободно передвигаются по лагерю, часто и подолгу общаются с командиром отряда и военным советником из Турции. Отряд душманов, о котором идет речь, вообще был богат на военных советников. Там работали профессиональные турецкие разведчики, а теперь выяснилось, что и перешедшие на сторону афганских душманов спецназовцы.

– Удалось вам добраться до этих предателей? – поинтересовался Ветров.

– К сожалению, нет, – сказал Чернышов. – Хотя мы и предприняли одну попытку, атаковали одну из душманских баз и даже высаживали там десант. Но, к сожалению, данные разведки оказались неточными, спецназовцев-предателей на той разгромленной базе не оказалось, из района Мазари-Шарифа они перебрались куда-то в глубь страны. Во всяком случае, я о них больше не слышал. Результаты своего расследования мы доложили военным. Те изменили тактику проведения войсковых операций, и потери сразу же сократились. Вот так и закончилась эта командировка.

– И вы считаете, Павел Андреевич, что спецназовцы, натаскивающие афганских душманов, спустя семь или восемь лет могли появиться в России и воевать уже на стороне чеченских боевиков? – прямо спросил Олег Муромцев.

– Увы, случаи, когда наемники, воевавшие против наших войск еще в Афганистане, теперь сражаются в отрядах чеченских боевиков, не так уж и редки, – вздохнул Чернышов. – Так что мое предположение звучит не так уж невероятно.

– И оно многое объясняет, – задумчиво сказал Олег Муромцев. – И профессионализм диверсантов, и применяемую ими тактику наших подразделений специального назначения.

– Олег, и все-таки главный вопрос: это действовала одна диверсионная группа или разные? – спросил Чернышов.

– Утверждать что-либо без тщательного расследования я не берусь. Но если вас интересует мое мнение – да. Я считаю, везде действовала одна и та же диверсионная группа.

– И из чего это следует? – спросил Ветров.

– Во-первых, численный состав. Во всех случаях диверсантов было пять, возможно, шесть человек: снайпер, подрывник, три-четыре стрелка. Во-вторых, одинаково высокая боевая выучка. В-третьих, тактика действий у них во всех операциях была одна и та же. Например, перед каждым нападением снайпер сначала уничтожал часовых или наблюдателей из боевого охранения, а впоследствии прикрывал отход своей группы. Можно привести и другие доводы, которые не так наглядны.

Павел Чернышов слушал с каменным лицом. Он уже не сомневался, что в Чечне с 1994 по 1996 год успешно действовала диверсионная группа из числа бывших бойцов спецназа, перешедших на сторону душманов еще во время афганской войны.

«Если за время, прошедшее между афганской и чеченской войнами, они не сидели сложа руки, а участвовали и в других военных конфликтах, то приобрели неоценимый боевой опыт, – про себя подумал Чернышов. – Судя по всему, так оно и есть, ведь не зря военные разведчики называли этих диверсантов «призраками». И если они участвовали в прошлой чеченской войне, то весьма вероятно, что лидеры боевиков могут обратиться к ним и сейчас. Военные наемники не имеют моральных принципов. Для них существует одно – деньги. Если те, кто сейчас финансирует чеченских боевиков, и эти диверсанты сойдутся в цене, «призраки» вернутся снова».

15

«Призраки»

25.X, понедельник, 18.00

После полуторагодового перерыва они снова собрались вместе. Те, кто в документах российской военной разведки именовался диверсионной группой «призраки», снова встретились в лагере чеченских боевиков. Теперь их осталось четверо, но возросший боевой опыт компенсировал потерю пятого члена диверсионной группы, умершего от тропической болезни в азиатских джунглях.

Степан Мордасов с интересом разглядывал своих бывших бойцов. Он уже убедился, что перед ним все те же отчаянные и хладнокровные парни, с которыми он успешно выполнял диверсионные задания невероятной сложности. Мордасов не знал, что во время чеченской военной кампании 1994 – 1996 годов российская военная разведка присвоила его группе имя «призраки», но если бы знал, то остался бы им вполне доволен. Такое название лучше всего подходило для исчезающих в ночной темноте безжалостных профессиональных убийц.

– Ну, здравствуй, командир, – сказал его бывший заместитель, а по совместительству минер-подрывник, и протянул Мордасову руку. – Расскажи, каким ветром тебя сюда занесло. Слышал я, ты вроде бы на Кипре обосновался.

– Расскажу, – ответил Мордасов, пожимая крепкую ладонь. – Обо всем расскажу.

Ему действительно надо было о многом рассказать своим бывшим бойцам.

Из Греции в Турцию Степан Мордасов прилетел уже вместе с Кириллом Сайдаковым. В Анкаре Мордасов первым делом снова встретился с полковником Керимом. Керим снабдил Мордасова последними данными космической разведки, передал инструкции и обговорил средства связи. Из Турции путь диверсантов пролегал в Грузию, а оттуда в Чечню, где в лагерях чеченских боевиков в качестве военных инструкторов находились еще двое членов их группы.

Через границу, из Грузии в Чечню, перешли без хлопот. Для таких асов это была совсем не трудная задача. Грузинские пограничники этот участок практически не охраняли, а российских пограничников здесь просто не могло быть. Вместе с Мордасовым и Сайдаковым границу переходила небольшая группа арабских наемников. Один раз на пути каравана встретилось минное поле, устроенное методом рассеивания противопехотных мин прямо с вертолета. Таким образом российские войска пытались блокировать тропы, по которым чеченцам из сопредельной Грузии перебрасывалось оружие и пробирались группы иностранных наемников. Проводник из числа чеченцев, шедший впереди каравана, вовремя заметил минное поле. Дорога в обход заняла несколько лишних часов, зато все остались живы. На территории Чечни группа наемников разделилась. Арабы направились в Грозный, чтобы пополнить отряды Хаттаба, а Мордасов с Сайдаковым в Бамут. Именно там располагалась база, где, по данным полковника Керима, находились бывшие сослуживцы Мордасова, а ныне военные инструкторы чеченских террористов – Псарев и Чагин.

Сведения турецкой разведки оказались точны. Псарев и Чагин были на месте. Приезд бывшего командира и снайпера просто поразил их. По такому случаю Георгий Псарев устроил настоящий пир, насколько это вообще было возможно в полевых условиях.

Бывшие соратники собрались в доме, который занимали Псарев и Чагин. В результате бомбежек российской авиации большинство жителей покинуло Бамут. Уезжая из города, люди бросали свои жилища. Множество домов в селении пустовало, поэтому проблем с жильем у прибывающих наемников не было. Так и Псарев с Чагиным выбрали большой двухэтажный дом по своему вкусу.

Все четверо расположились на первом этаже за большим столом.

Георгий Псарев быстро разлил по стаканам водку.

– Ну, за встречу, – сказал он.

Послышался приглушенный звон, когда четверо мужчин сдвинули стаканы.

Ели и пили все с большим аппетитом. Даже Сайдаков и Мордасов, привыкшие за последнее время к изыскам европейских ресторанов, активно поглощали говяжью тушенку.

– А вы неплохо устроились, – после очередного стакана сказал Мордасов, указывая на расставленное на столе угощение.

По меркам войны стол выглядел просто шикарно. Водка была самая настоящая, а не какой-нибудь разбавленный водкой спирт неизвестного происхождения. Разнообразные мясные консервы и белый хлеб в оставшемся без централизованного снабжения городе тоже были большой редкостью. В осажденной российскими войсками Чечне такой стол мог организовать только весьма обеспеченный человек.

– Были бы деньги, а с ними везде можно неплохо устроиться, даже на войне, – ответил Псарев.

– Значит, оплатой вы вполне довольны? – поинтересовался Мордасов.

– А, разве это деньги, – махнул рукой Чагин. – Да военный инструктор в Чечне получает немногим больше простого боевика.

– Ну раз наш командир здесь, значит, он хочет предложить нам настоящую работу, – заметил Псарев, переведя взгляд с Чагина на Мордасова. – А если даже господин Сайдаков оставил свою благополучную Грецию и решил к нам присоединиться, значит, эта работа должна хорошо оплачиваться.

– Верно, – кивнул Мордасов. – Для нашей группы действительно есть работа. После ее выполнения каждый из нас получит по миллиону долларов и въездную визу в любую страну, какую он только пожелает.

– Заманчивое предложение, – усмехнулся Псарев. – И что же для этого надо сделать? Взорвать Кремль?

В диверсионной группе еще со времен Афганистана он был заместителем Мордасова, так как единственный из остальных бойцов имел офицерское звание. Георгий Псарев не только отлично разбирался в минно-взрывном деле, но и являлся первоклассным организатором диверсионных акций.

Мордасов понимал, что при осуществлении заказанной турецкой разведкой диверсии не сможет обойтись без помощи своего заместителя. План проведения такой крупномасштабной акции, безусловно, требовал согласования с Георгием Псаревым, и Степан Мордасов очень рассчитывал на его одобрение и поддержку.

– Нам поручено остановить продвижение российских войск в глубь Чечни, – ответил Мордасов, глядя в глаза Псареву.

– Всего-то, – опять усмехнулся Псарев.

– Не торопись с выводами, Георгий, – остановил Псарева Кирилл Сайдаков. – Минер никогда не должен спешить. Лучше внимательно выслушай командира.

Мордасов последовательно изложил Псареву и Чагину суть предстоящей операции. Псарев слушал молча, уточняющих вопросов не задавал, после того, как Мордасов закончил говорить, еще довольно долго обдумывал предложение.

– Значит, заказчики берутся снабжать нас данными своей разведки? – наконец спросил Псарев.

– Да. Причем в городе у нас будет связник. Таким образом мы сможем получать самые свежие разведданные, – подтвердил Мордасов.

– Что ж, с такими картами играть можно, – сказал Псарев, принимая предложение Мордасова.

– И на кону четыре миллиона долларов, – добавил Кирилл Сайдаков. – Давайте выпьем за это, – предложил Чагин.

– Хорошо, – согласился Мордасов. – Сегодня можно. С момента начала операции никакого спиртного, только если этого потребуют обстоятельства.

Соратники снова сдвинули стаканы. Каждый из диверсантов мысленно представлял себе, как распорядится миллионом долларов. Все понимали: для того чтобы получить этот миллион, придется убить несколько сотен, а может быть, и тысяч соплеменников. Но это ничуть не омрачило приятные мысли об обладании целым состоянием. Степан Мордасов и его боевики уже давно привыкли разменивать человеческие жизни на конвертируемую валюту.

16

Подготовка

25.X, понедельник, 19.30

– Когда ты думаешь начать? – отставив свой стакан в сторону, спросил у Мордасова Псарев.

– Завтра. Чтобы к вечеру выйти в район предстоящей операции. А из лагеря мы должны уйти еще до рассвета.

– Вот это правильно, – кивнул Георгий Псарев. – Незачем вам здесь долго светиться, да и мы с вами уйдем без лишнего шума.

– Но перед выходом нам надо вооружиться. Здесь можно это достать? – Мордасов положил перед Псаревым список необходимого оружия и снаряжения.

Псарев внимательно прочитал список, запоминая каждую позицию, удовлетворенно кивнул и ответил:

– Значит, так, форма, одежда и обувь у нас есть, на всех подберем. А вот оружие, взрывчатку и оптику придется купить.

– Это возможно? – спросил Мордасов.

– В Чечне все возможно, были бы деньги.

– Деньги есть, – сказал Степан Мордасов. – Пятидесяти тысяч хватит?

– Долларов?

– Разумеется.

– Должно хватить, – уверенно ответил Псарев. – Тогда не будем задерживаться. – Он посмотрел на наручные часы. – Чтобы выйти до рассвета, снаряжение надо собрать сегодня. Пойдем, командир, ребята пусть останутся здесь, – сказал Псарев, вставая из-за стола.

– Справимся вдвоем? – поинтересовался Мордасов, поднимаясь вслед за Псаревым.

– Как-нибудь донесем, – усмехнулся бывший заместитель.

Они вернулись через три часа, принеся с собой две тяжелые сумки, в каких перевозят сложенные грузовые парашюты. Только на этот раз в сумках находились вовсе не парашюты, а снаряжение диверсионной группы. С видимым облегчением Псарев и Мордасов опустили свою поклажу на пол.

– Ознакомьтесь, – обратился Мордасов к Чагину и Сайдакову и, нагнувшись, расстегнул застежки-«молнии» на обеих сумках.

Внутри оказались три автомата «АКМ» с насадками для бесшумной и беспламенной стрельбы, столько же подствольных гранатометов, две снайперские винтовки: «СВД» и «ВСС», четыре пистолета «АПС»⁴ с лазерными целеуказателями и по несколько комплектов патронов ко всему этому оружию. Огнестрельное оружие дополняли четыре десантных ножа в пристегивающихся к голени ножнах. Кроме всего этого разнообразия средств, предназначенных для убийства, в принесенных Мордасовым и Псаревым сумках оказались и другие предметы, непосредственно не относящиеся к средствам убийства, но также входящие в комплект снаряжения военных диверсантов. К ним относились имеющиеся в наличии оптические приборы: бинокли, лазерные дальномеры, прицелы для снайперских винтовок, обычные оптические, а также ночного видения.

---

⁴ «АКМ», «СВД», «ВСС», «АПС» – в порядке перечисления. Автомат Калашникова модернизированный, калибр – 7,62 мм. Снайперская винтовка Драгунова, калибр – 7,62 мм. Винтовка снайперская специальная, другое название «Винторез», снабжена надульным глушителем, калибр – 9 мм. Автоматический пистолет Стечкина, калибр – 9 мм, емкость магазина – 20 патронов, два вида огня – одиночными выстрелами и очередями.

Пока Сайдаков и Чагин с интересом изучали содержимое сумок, Георгий Псарев аккуратно снял с плеча вещевой мешок. В мешке находились двадцать пять двухсотграммовых шашек пластиковой взрывчатки и капсульные взрыватели к ним. Взрывчатка была специализацией Георгия Псарева, и он не собирался ее никому показывать. Но и другого оружия оказалось вполне достаточно, чтобы произвести впечатление на остальных членов группы. При виде разложенного на полу оружия и снаряжения Сайдаков удивленно присвистнул.

– Я вижу, сообщения западных средств информации о якобы повсеместном нищенстве жителей Чечни сильно преувеличены. Откуда такое великолепие? – спросил он, переводя взгляд с Мордасова на Псарева.

– В Бамуте прекрасный тренировочный лагерь. Он хорошо снабжается, – ответил Псарев на вопрос Сайдакова. – За хорошие деньги здесь можно найти практически все.

– Да, но лазерные дальномеры – это не шутка. – Как снайпер-профессионал, Сайдаков не мог не оценить полезность данного приспособления.

– Кое-что здесь действительно имеется только в единственном экземпляре. Но я в Бамуте уже несколько месяцев и знаю, к кому нужно обратиться, – пояснил Псарев.

Пока Псарев объяснял Сайдакову, как им удалось найти необходимое оружие и снаряжение, Мордасов вытащил из одной из сумок небольшой, но тяжелый холщовый мешок. Там оказались осколочные гранаты: восемь ручных гранат «Ф-1» и двенадцать гранат «ВОГ-25» для подствольных гранатометов. Мордасов выбрал одну из этих гранат и, продемонстрировав ее своим бойцам, сказал:

– На всякий случай напоминаю: при стрельбе из гранатометов глушители с автоматов надо снимать. Иначе при выстреле граната заденет глушитель, тогда все. У «ВОГ-25» радиус сплошного поражения десять метров. При взрыве ее осколки из неудачного стрелка сделают решето.

Псарев и Чагин поняливо кивнули. По количеству автоматов и подствольных гранатометов они поняли, что это оружие предназначается именно для них и их командира Степана Мордасова. Снайперу Кириллу Сайдакову соответственно предназначались обе снайперские винтовки. – Жаль, «бесшумку» достали только одну.

С этими словами Мордасов вытащил из-за пояса макаровский «ПБ»⁵ и протянул его Псареву.

– А ты? – удивленно спросил Псарев, принимая от него пистолет.

– У меня свой, – сказал Мордасов.

Приоткрыв полу куртки, Мордасов вытащил из поясной кобуры одну из последних разработок германской оружейной промышленности «Вальтер П-99»⁶, с корпусом из пластмассы.

– Глушитель тоже имеется, – добавил он.

– Так ты его что, через все границы провез? – восхищенно спросил Сайдаков.

– Есть некоторый опыт, – просто ответил Мордасов.

Однако ему понравилось, что не только Кирилл Сайдаков, но и Псарев с Чагиным тоже посмотрели на него восхищенными глазами. «Вот так и завоевывается авторитет командира, – удовлетворенно подумал Мордасов. – Когда ты можешь сделать то, чего не могут другие». Мордасов провез через границы не только свой личный пистолет, но и два аэрозольных флакона со специальным распыляемым составом, парализующим обоняние у собак. Один из таких флаконов он тоже передал Псареву.

– Что это? – поинтересовался Псарев, взяв в руки аэрозоль, на котором отсутствовали какие бы то ни было маркировки.

---

⁵ «ПБ» – пистолет бесшумный. Разработан на базе пистолета Макарова. Калибр – 9 мм. Кроме глушителя, являющегося неотъемлемой деталью пистолета, снабжается и приставным глушителем.

⁶ «Вальтер П-99» – модель 1997 г. Калибр – 9 мм, емкость магазина – 16 патронов, корпус из пластмассы.

– «Стиратель следов», – ответил Мордасов. – Стоит собачке только один раз понюхать предмет, обработанный этим составом, и она уже никогда не отличит запах аппетитной похлебки от запаха собственного дерьма.

– Подскажи адресок, командир, – обратился к Мордасову Кирилл Сайдаков. – Я, пожалуй, тоже прикуплю для себя коробочку таких штучек.

– Ну ладно, хватит шуток! – Мордасов резко оборвал своего бойца. – Мы еще не закончили со сборами. Нас заверили, что все оружие исправно. Тем не менее все надо пристрелять и проверить, особенно винтовки и автоматические пистолеты. Этим займешься ты, – Мордасов указал на Сайдакова.

– Так ведь темно уже, – попытался возразить Сайдаков.

– Вот и отлично. Заодно проверишь ночные прицелы. С патронами экономнее. Сделаешь по три выстрела, – напутствовал снайпера Мордасов.

– Это уж как получится, – ответил Сайдаков, вытаскивая из сумки обе винтовки и выбирая патроны к ним.

Взяв винтовки под мышку, а патроны рассовав по карманам, Сайдаков вышел из дома.

Вскоре все услышали выстрелы. Сначала отработала «СВД», потом раздалась глухие хлопки «Винтореза». Сайдаков вернулся через полчаса. Оружие оказалось действительно отлично пристрелянным, только прицел «СВД» потребовал небольшой регулировки. Выбрав один из пистолетов Стечкина, Сайдаков снова удалился во двор. Опробовав его, он вернулся.

– Лейкопластырь есть? – спросил с порога.

– Только изолента, – не поняв вопроса, ответил Псарев.

Сайдаков недовольно поморщился.

– Ну ладно, где? – все же спросил он.

Достав из ящика моток изоленты, Сайдаков начал сосредоточенно обматывать ею рукоятку своего пистолета, придавая той более удобную форму.

– Для этого дела лучше всего подходит лейкопластырь. Он более мягкий, и на нем рука не скользит, – объяснил Сайдаков. – Да, а вы чего сидите? У пистолетов прицел нерегулируемый. Так что пристреливайте их сами.

Проверив, как пистолет с утолщенной рукояткой ложится в руку, и удовлетворившись результатом, Сайдаков засунул его себе сзади за пояс.

Следуя его совету, остальные тоже пристреляли свое оружие. Когда все оружие было проверено и разобрано участниками предстоящей акции, Степан Мордасов выложил на стол пачку крупномасштабных карт. На картах была изображена западная часть Чечни, а также граничащие с ней районы Ингушетии, Северной Осетии и Ставропольского края. Карты были иностранного производства, новенькие, еще не затершиеся на сгибах. Все нанесенные на карты названия оказались на английском языке, но диверсанты Степана Мордасова за годы скитания по всему миру выучили не один иностранный язык. А уж английским владели все без исключения.

– Мы находимся здесь, – Мордасов выдвижным грифелем своего карандаша указал на селение Бамут. – Вот конечная цель нашего маршрута. – Карандаш Мордасова в воздухе обвел кружочком Моздок. – Учитывая рельеф местности и расположение российских федеральных войск, маршрут будет таким. Сначала мы идем на север по территории, контролируемой чеченцами, минуем Ассиновскую и по правому берегу реки Сунжа проходим сквозь позиции российских федеральных войск. – Карандаш отмечал на карте маршрут. – В этом районе нет сплошной линии обороны. Российские войска сосредоточены в районах станицы Ассиновская и селения Самашки. Таким образом, двигаясь вдоль реки, мы можем выйти к Карабулаку. А это уже Ингушетия. Дальше по дороге через Средние Ачалуки, Пседах и Малгобек, минуя Терский хребет, попадаем в Моздок.

– Это же сто пятьдесят километров, – с сомнением сказал Псарев.

– Верно, – согласился Мордасов. – Но пешком нужно пройти только до Карабулака. Это тридцать пять километров. Там мы сможем взять машину.

– Рискованный переход, – заметил Псарев.

– Да ладно тебе. Нам и раньше приходилось проделывать подобные марш-броски, – опять поддержал план Мордасова Кирилл Сайдаков. – К тому же, когда мы будем с таким арсеналом, кто сможет нам помешать?

– От случайностей никто не застрахован, – невесело усмехнулся Георгий Псарев.

– Мы на войне, – жестко сказал Мордасов. – Случайности здесь встречаются повсеместно. И мы отправляемся на диверсионную акцию, а не в лес за грибами.

– Резонно, – кивнул Псарев. – Тем не менее до реки Сунжа я предлагаю доехать на машине. Это и быстрее, и безопаснее. К тому же таким образом мы сможем, как минимум, вдвое сократить наш пеший переход.

– Даже если у тебя есть машина, ее придется бросить при подходе к позициям российских войск. А брошенная машина укажет на маршрут нашего движения, – возразил Мордасов своему заместителю.

– У меня нет машины, – ответил Псарев. – Зато у меня есть знакомый водитель с машиной, который за деньги охотно возьмется нас подвезти.

– Это еще хуже. Водитель может проговориться, куда он нас подвозил. Дальнейшие выводы сделать несложно.

Спор с Псаревым уже начал раздражать Мордасова. Раньше ему не приходилось объяснять Георгию Псареву такие прописные истины. В отличие от своего командира Псарев остался абсолютно спокоен.

– Ты справедливо опасаясь, что водитель может проговориться, – заметил он, посмотрев в глаза Мордасову. – Но это решаемая проблема.

Раньше они понимали друг друга с одного взгляда. Вот и сейчас Степан Мордасов понял, что ему хотел сказать Псарев.

– Но мы не можем оставлять машину на месте высадки. – Мордасов повторил свой первый аргумент.

– И это решаемая проблема, – так же уверенно ответил Псарев.

– Хорошо, – согласился Мордасов. – Раз ты гарантируешь молчание водителя, можешь договариваться с ним. Выезд завтра в шесть тридцать. К этому моменту машина должна быть уже здесь.

– Водитель не опоздает, – заявил Псарев. – Он знает, что в случае малейшего опоздания не получит денег.

При дальнейшем объяснении задачи в споры с Мордасовым больше никто не вступал.

Когда все детали предстоящего перехода были обговорены, с разрешения своего командира Сайдаков и Чагин отправились спать. Псарев ушел договариваться со своим знакомым водителем. Степан Мордасов остался в пустой комнате один. Он тоже попробовал заснуть, но сна не было. Предстоящая акция волновала его воображение. Псарев вернулся минут через сорок.

– Все в порядке, – объявил он, заходя в комнату. – Машина будет.

Доложив командиру о своей договоренности с шофером, Георгий Псарев взял мешок с приобретенной сегодня пластиковой взрывчаткой и, прихватив с собой использованный Сайдаковым моток изолянта, скрылся в чулане. В чулане Псарев оборудовал свою пиротехническую мастерскую, где создавал самые разнообразные взрывные устройства, впоследствии используемые чеченскими боевиками. Пока Георгий Псарев заканчивал свои дела в чулане, Степану Мордасову все же удалось заснуть. Обнаружив своего командира спящим, Псарев тоже последовал его примеру. На втором этаже уже давно спали Сайдаков и Чагин.

Перед началом операции надо было отдохнуть. С завтрашнего дня всем четверым предстояло стать участниками смертельно опасной игры, за которую каждому из них было обещано по миллиону долларов.

17

В Моздоке

25.X, понедельник, 22.00

По другую сторону линии фронта, в городе, ставшем опорной базой федеральных войск, в одной из квартир хозяин и его молодая подруга тоже готовились ко сну. Вернее, лечь спать собирался только хозяин, а девушка сопротивлялась. Она вылезла из-под руки Акопа, перевернулась на живот и своим мизинцем с ярко накрашенным ногтем провела по его голой груди.

– Сегодня я никак не могу, может быть, в другой раз...

Любовная игра была уже позади. Клиент полностью выдохся и в ближайшие сутки ни на что не был способен. Его мужское достоинство, которое совсем недавно приподнимало простыню и гордо возвышалось над кроватью, имело теперь довольно жалкий вид. Тем не менее Акоп не хотел расставаться с девушкой. Сегодняшней ночью он хотел спать, плотно прижавшись к разгоряченному любовной игрой молодому женскому телу. Однако у его двадцатилетней подруги Веры Кольцовой были совсем другие планы. Вера ловко увернулась, когда Акоп потянулся к ней. Девушка уселась на колени рядом с Акопом, при этом розовые соски ее грудей упились Акопу в лицо.

– В другой раз, – уже более решительно повторила Вера.

Акоп попытался поймать ее за руку, но Вера резко оттолкнула руку мужчины и вскочила с кровати. Акоп смог снова увидеть целиком ее обнаженное тело. И ее налитые груди с выпирающими остренькими сосками, которые Акоп так любил облизывать и всасывать своими губами, и ее стройные ноги с округлыми бедрами, которыми Вера крепко обхватывала его поясницу, когда забиралась на него верхом. На какое-то мгновение Акоп снова ощутил нечто напоминающее эрекцию, но это ощущение тут же исчезло.

Очевидно, девушка тоже что-то заметила, потому что на секунду задержала взгляд на его паху. Затем недовольно фыркнула себе под нос и, повернувшись к Акопу спиной, начала одеваться. Ее одежда была разбросана по полу возле кровати. Красиво раздеться и аккуратно сложить свою одежду девушка никогда не успевала.

Вера прекрасно знала, что ее клиент очень быстро возбуждается, но так же быстро его возбуждение проходит, поэтому ей приходилось спешить. Обычно, как только Акоп брал ее за руку и тянул в спальню, Вера тут же сбрасывала с себя одежду, и они оба бросались на кровать в объятия друг друга. За несколько сеансов Вера научила Акопа контролировать свою эрекцию. Однако ей требовались более продолжительные игры, на что Акоп, увы, был не способен. Впрочем, удовлетворение Вера получала от других своих приятелей помоложе. Когда одного оказывалось недостаточно, ему на помощь всегда мог прийти второй. На квартиру к Акопу Вера приходила не за удовлетворением, а за деньгами, за шероховатыми зеленоватыми бумажками с портретами американских президентов. Мужская слабость Акопа щедро компенсировалась вручаемыми девушке долларами. Поэтому Вера никогда бы не променяла некрасивого, полноватого и немолодого Акопа, от которого к тому же постоянно пахло жареными чебуреками, на дюжину молодых и статных красавцев с твердыми дрынами в штанах, но с пустыми карманами.

Девушка ходила по ковру, поднимая с пола то бюстгальтер, то трусики, то колготки. Вера знала, что Акоп рассматривает ее, поэтому старалась все делать нарочито грациозно. Это был тот же стриптиз, только наоборот. Вот Вера натянула трусики, прикрыв полупрозрачными кружевами треугольник волос между ног. Вот ее груди с соблазнительно выпирающими сосками скрылись под чашечками бюстгальтера. Дальше по-следовали колготки, блузка, черныеoble-

гающие лосины и яркая кофточка. Вера подхватила с кресла свою сумочку на длинном ремне и, раскрыв ее, выжидательно посмотрела на Акопа. Тот спустил ноги на пол, встал с кровати и подошел к шкафу, где хранил деньги на мелкие расходы. Вера Кольцова относилась именно к таким расходам.

Затаив дыхание, Вера следила, как Акоп достает из шкафа конверт с деньгами. Девушка заметила, как ее любовник неторопливо вытащил из конверта три купюры разного достоинства. «Еще оценивать будет, торгаш хренов!» – зло подумала Вера, наблюдая за действиями Акопа. Действительно, подумав немного, Акоп засунул одну из купюр обратно в конверт. «Вот гад!» Вера чуть не выкрикнула эти слова вслух, но вовремя прикусила себе язык.

– Держи, – Акоп протянул девушке сложенные пополам бумажки.

Вера заставила себя благодарно улыбнуться, опустила обе купюры в сумочку и защелкнула замок. Девушка успела заметить, что верхняя купюра сто долларовой стоимости. Ей очень хотелось узнать, какая вторая, но при Акопе она не стала ее проверять.

Акоп проводил девушку до двери и выпустил на площадку. Закрыв дверь, он вернулся в спальню. В инструкциях, которыми турецкая разведка снабдила своего связного, содержались предупреждения о случайных связях. В то же время физиологические контакты с женщинами напрямую не запрещались. Более того, подобное воздержание хозяина чебуречной могло показаться подозрительным. Ведь по легенде Акоп ничем не должен был отличаться от себе подобных мелких бизнесменов. Да и природа брала свое. И турку Сулейману Оглу, и балкарцу Акопу время от времени требовалась женщина, лучше молодая и красивая. Акоп выбрал Веру Кольцову. Возраст, внешность и фигура девушки вполне удовлетворяли его требованиям. Акоп знал, что Вера занимается проституцией, но у нее нет постоянного сутенера. Последнее обстоятельство окончательно укрепило Акопа в своем выборе. «Нет сутенера, значит, девчонка ни с кем не будет обсуждать своих клиентов», – рассудил Акоп. Связному турецкой разведки лишние разговоры о себе и о своем жилище были совсем не нужны. Тот факт, что у бесспорно красивой и сексапильной проститутки нет сутенера, наоборот, должен был насторожить Акопа, так как относился к разряду необъяснимого. Казалось бы, на Веру давно должны были «наехать» и заставить работать в чьей-то команде. Но этого не происходило. Если бы Акоп задумался над этим вопросом, он, возможно, никогда не связался бы с такой проституткой. Но турецкий связной не стал забивать себе голову. Девушка ему нравилась, и разрывая с ней отношения он не собирался.

18

Вера Кольцова 25.X, понедельник, 22.30

Оказавшись в подъезде, она тут же расстегнула сумочку и вытащила полученные от клиента деньги. Как только Вера развернула бумажки, то чуть не задохнулась от гнева. Второй купюрой, вложенной внутрь «сотки», оказалась пятидолларовая бумажка. «Гад! Жадная харя! Импотент сраный!» Дальше пошли уже совсем нецензурные эпитеты, которыми Вера наградила Акопа. Девушка бросила испепеляющий взгляд на дверь, из которой только что вышла, и, закинув сумочку за спину, начала спускаться по лестнице. Ей захотелось напиться. Обычно свое раздражение и злобу Вера гасила алкоголем. А сейчас она была крайне раздражена скупостью своего постоянного клиента. Довольно часто Вера отдавалась и за более мелкие суммы. И при этом она не испытывала раздражения, так как знала – заплатить ей больше клиент просто не в состоянии. «Но у чебуречника деньги есть» – в этом Вера была совершенно уверена, поэтому ее раздражению не было предела.

Как-то Вере удалось раскрутить Акопа на второй заход. Тот уже начал хватать зубами ее за соски и просовывать пальцы в промежность. При этом его мужское начало снова набухло и уже терлось оскопленной головкой о бедро девушки. Вера тогда высвободилась и отправила Акопа в ванну подмываться. Воспользовавшись его отсутствием, девушка вскочила с кровати и обшарила шкаф, где ее клиент хранил деньги. Она быстро нашла конверт, из которого Акоп доставал доллары, чтобы рассчитаться с ней. Однако, пересчитав деньги, Вера испытала лишь разочарование. В конверте оказалось немногим более трехсот долларов. Свои основные средства он хранил где-то в другом месте. Если бы сумма оказалась приличной, Вера не задумываясь стащила бы ее, и тогда Акоп больше не увидел бы ни свою подругу, ни своих денег. Однако с тремястами долларов Вера решила не связываться. За три встречи с Акопом она зарабатывала больше. Несмотря на неудачный обыск, Вера не сомневалась, что у Акопа деньги имеются, и, судя по всему, не маленькие. С тех пор при каждой следующей встрече с Акопом Вера строила планы, как ей добраться до этих денег. Однако пока ничего путного ей в голову не приходило.

В баре оказалось, как всегда, много народу. Гремела музыка. На узком танцевальном пятачке дергались девицы и парни.

– Эй, Куколка, иди к нам! – то и дело раздавалось с разных сторон.

Здесь девушку хорошо знали. Сюда Вера приходила, чтобы выпить и поболтать ни о чем, но чаще для того, чтобы снять очередного клиента. Здесь ее впервые и встретил Акоп.

– Текилы! – бросила бармену Вера, забираясь на высокий табурет возле стойки.

Сейчас ей ни с кем не хотелось болтать, а просто напиться в одиночестве. Бармен ловко наполнил бокал водкой, которая, если судить по этикетке, считалась мексиканской, хотя и разливалась по бутылкам в ближайших окрестностях. Вера залпом осушила бокал и, хлопнув им о стойку, подвинула к бармену.

– Еще!

– А тебе не будет много, Куколка? – осведомился бармен, снова наполняя бокал.

Куколка было имя, под которым Веру Кольцову знали в баре. У Веры было два прозвища, два рабочих имени, две клички: Куколка и Матильда. Кличку Куколка Вера терпеть не могла, другое дело Матильда. Несмотря на кукольную внешность, она была скорее Матильдой – грациозная, ловкая, хитрая и безжалостная охотница-кошка. Даже не кошка – пантера. Пантера, уже попробовавшая вкус крови убитой добычи.

* * *

Учеба в школе давалась Вере Кольцовой легко. В младших классах она почти не заглядывала в учебники. Чтобы ответить на вопрос учителя, ей вполне хватало того, что она услышала на предыдущем уроке. Вера быстро поняла, что нравится мальчикам. Уже в пятом классе на нее заглядывались старшеклассники, а мальчишки из своего класса вообще не спускали с нее глаз. Вера не стеснялась носить короткие юбки, демонстрируя свои длинные стройные ноги. Ей было приятно осознавать, что мальчишки в школе буквально сгорают от желания заглянуть ей под юбку. Иногда она сознательно позволяла кому-нибудь это сделать, чтобы еще больше подразнить мальчишек. Ощувив, как кто-нибудь из одноклассников или ребят постарше смотрит на нее раздевающим взглядом, Вера могла уронить на пол карандаш или ручку, а потом поднять этот предмет, наклонившись, не сгибая ноги в коленях. Вера специально наклонялась медленно, ощущая, как сзади постепенно приподнимается нижний край юбки, открывая взору наблюдателей ее соблазнительную попку и узенькие, плотно прилегающие к телу трусики. После чего Вера резко распрямлялась, задранная юбка падала вниз, мгновенно прикрывая то место, от созерцания которого у парней захватывало дух. Быстро оглянувшись, Вера успевала поймать восхищенные и одновременно раздосадованные взгляды мальчишек.

Вера лишилась девственности во время летних каникул после окончания седьмого класса. Это случилось на пляже. Вера и еще одна девчонка оказались в компании уже довольно взрослых парней. Верина подружка вскоре ушла. Впрочем, ее никто и не пытался удерживать. Внешность у подружки подкачала, а рядом с красавицей Верой ее вообще никто не замечал. Вера осталась в компании двух незнакомых парней. Парни показались Вере интересными, и она не возражала против того, чтобы познакомиться с ними поближе. События развивались стремительно. От выпитого на жаре пива Вера быстро захмелела и последующее помнила плохо. Она так и не вспомнила, как оказалась в прибрежных кустах. Помнила только, как один из парней развязывал завязки ее купальника. Потом опять провал в памяти. Дальше Вера помнила, как лежала спиной на песке, совершенно голая, а кто-то из парней, тот, что стаскивал с нее купальник, а может быть, его приятель, елозил по ней своим тоже голым телом.

Потеря девственности прошла для Веры довольно безболезненно. В состоянии опьянения она вообще не ощущала боли, а алкоголь расслабил мышцы, поэтому никаких неприятных ощущений Вера впоследствии не испытывала. Придя первого сентября в школу, Вера свысока поглядывала на своих одноклассников, особенно на школьных подружек. В глазах Веры те все еще оставались детьми, в то время как она уже перешагнула некую грань, ранее отделявшую ее от мира взрослых. Вера и раньше влюблялась, теперь же она с головой окунулась в любовные романы, не ограничивая себя в испытываемых ощущениях. Вера оказалась хитрой и изобретательной. Она умела разжигать страсть и поддерживать ее до тех пор, пока очередной приятель не надоедал ей. Когда, по мнению Веры, следовало идти на интимную близость, она шла на нее легко, когда следовало возбуждать партнера и мучить ожиданием, не подпускала его к себе. Вера и раньше не напрягала себя учебой, сейчас забросила ее окончательно. Она уже вкусила запретный плод и сейчас продолжала вкушать его все с новыми и новыми партнерами.

Близился момент окончания школы, преподаватели разводили руками, как можно выдать аттестат ученице, которая почти не посещает занятия. Однако школьные выпускные экзамены Вера Кольцова все-таки сдала. Она на время оставила любовные приключения. Сообразительной девушке оказалось достаточно в течение нескольких дней полистать учебники, чтобы не молчать на экзаменах. Впрочем, и учителя старались задавать ей самые простые вопросы, чтобы иметь возможность вписать в аттестат по крайней мере удовлетворительную оценку. Никто из учителей не хотел иметь в выпускном классе второгодника. В итоге аттестат об окончании средней школы Вере Кольцовой выдали.

Получив аттестат, Вера впервые задумалась о том, что делать дальше. Мысли о поступлении на работу или в вуз были отброшены сразу. Работать Вера не хотела принципиально и в то же время понимала, что вступительных экзаменов в любой вуз ей все равно не сдать. Вера догадывалась, что поступить в институт можно и без вступительных экзаменов, но для этого нужны большие деньги, которых у только что закончившей школу девушки не было. Кроме того, Вера была просто жадной. Она привыкла только брать деньги от своих друзей и любовников, но не отдавать их. Когда была возможность, Вера всегда предпочитала расплачиваться своим телом.

Итак, мысли о работе или о продолжении учебы были решительно отвергнуты. Веру, правда, привлекала профессия манекенщицы или фотомодели. Но в Моздоке, куда в начале века переселились предки Веры Кольцовой, не было агентств манекенщиц или фотомоделей. Такие агентства имелись в Москве, но, чтобы попасть туда, длинных ног и атласной груди было недостаточно. Вера понимала, что без нужных связей в Москве она окажется просто одной из претенденток. А девиц, спускающих трусики и задирающих ноги по первому требованию директора агентства или продюсера, в Москве и без нее предостаточно. Поразмыслив, Вера решила никуда из родного города не уезжать. Тем более что к этому времени она уже познакомилась со Лбом.

Встречаться со Лбом Вера начала еще в десятом классе. Ни к кому из своих прежних приятелей или любовников у нее не было таких сильных чувств. Лоб ее буквально очаровал. В своем новом любовнике Вере нравилось абсолютно все: его крепкое, мускулистое тело, неистовость, с которой он брал ее, звериная сила и граничащая с безрассудством храбрость. Но особенно Вере нравилось то, что Лоб умел подчинять себе людей и внушать страх окружающим. И главное, у него всегда водились деньги.

Откуда он достает деньги, новый приятель Вере никогда не рассказывал. А она не интересовалась, но догадывалась, что не трудом на благо Родины. Вера предполагала, что ее друг и любовник рэкетир. В 1996 году, когда Вера закончила школу, такая профессия относилась к разряду престижных. И многие девчонки Вериного возраста мечтали связать свою судьбу с удачливыми рэкетирами. Поэтому Вера Кольцова считала, что ей крупно повезло.

На самом деле у ее приятеля, хотя он и имел самое непосредственное отношение к криминальному миру, специализация была другая. К 1996 году криминальные авторитеты уже поделили город на зоны влияния и подмяли под себя все мелкие и разрозненные бригады рэкетиров. Время неорганизованного рэкета прошло. Лоб никаких авторитетов не признавал, подчиняться никому не желал, поэтому занялся обыкновенным разбоем. Он и еще двое его приятелей – Гангрена и Ржа – выбирали на городском рынке какого-нибудь денежного покупателя, потом шли за ним и в удобном месте грабили. При этом свою жертву грабители, как правило, жестоко избивали. Для них не имело значения – мужчина это или женщина. Женщина была даже предпочтительнее, так как с нее можно было снять еще и драгоценности. Награбленное тройка разбойников пропивала в городских барах и ресторанах.

Вера тоже принимала участие в этих попойках. Ей нравилось быть в центре мужского внимания, ловить на себе похотливые взгляды сидящих за соседними столиками мужчин и завистливые взгляды их спутниц. Правда, никто из мужчин никогда не пытался завязать с ней знакомства. Взрывной характер Лба всем был хорошо известен. Даже рыночные контролеры, которые безусловно знали, чем занимаются на рынке Лоб и его подельщики, предпочитали с ними не связываться. В гневе Лоб был страшен, а так как силой обладал поистине медвежьей, запросто мог проломить в драке своему противнику голову.

Вера быстро забыла, что собиралась ехать в Москву. Веселая разгульная жизнь захлестнула с головой. У нее теперь всегда водились деньги, пусть небольшие, но вполне достаточные для беззаботной жизни. Лоб не скупился на свою подружку. Как-то раз он подарил Вере сапфировые серьги. При виде серег девушка буквально растаяла. В ювелирном магазине они сто-

или дороже, чем большой импортный цветной телевизор. Лоб тоже знал цену серьгам, но не решился продавать их. Два дня назад серьги были вырваны из ушей ограбленной им женщины.

Лоб выбрал подружку под стать себе. Но даже Лоб не догадывался об истинной натуре своей приятельницы, поэтому и присвоил ей ласковую кличку Куколка. Девушка посчитала ее унижительной, но у нее хватило ума не высказывать приятелю своего недовольства. Лоб ни от кого не терпел возражений, даже от членов своей банды. Вера не раз видела, как Ржа или Гангрена ходили то с подбитым глазом, то с разбитым носом.

На вопрос Веры, откуда это, Лоб коротко отвечал:

– Пришлось поучить недоумка, чтобы больно умным себя не чувствовал.

Иногда ответ был еще короче:

– Чтобы не залупался.

В подробные разъяснения Лоб никогда не вступал, но Вера и так догадалась – ему лучше не противоречить. Лоб узнал, что представляет собой его Куколка, только на второй год их знакомства.

В ее беззаботной жизни было только одно обстоятельство, которое Вера хотела бы изменить. После длительных загулов со Лбом или с его компанией Вере все равно приходилось возвращаться домой к родителям. Она уже давно не вступала с родителями в дискуссии, но выслушивать их все равно приходилось. Особенно доводили Веру длительные, многочасовые нотации ее матери. Девушка запиралась в своей комнате, но мать садилась под дверь и начинала причитать и умолять Веру одуматься и изменить свою жизнь. Вера мечтала жить отдельно от родителей, чтобы не слушать порядком надоевшие причитания матери и замечания отца. Чтобы купить или хотя бы снять квартиру, требовались большие деньги, а таких денег у Веры не было, да и Лоб не мог обеспечить свою подружку необходимой суммой. Вера решила, что должна достать деньги сама.

Как-то во дворе Вера встретилась со своим бывшим школьным приятелем. Приятель был старше Веры на четыре года. Когда она училась в седьмом классе, он уже заканчивал школу. Когда парень окончил школу, они расстались. Вера слышала, что ее бывший друг занялся каким-то бизнесом, подробностей не знала. Сейчас бывший друг подъехал к ней на машине, да и одет он был получше, чем Лоб. С женской наблюдательностью Вера отметила, что одежда у ее бывшего дружка все больше фирменная и заплачено за нее немало. Она согласилась подняться к парню в квартиру и выпить за встречу шампанского.

Поначалу все шло именно так, как Вера и предполагала. Они выпили шампанского, потом оказались на кровати. Школьный друг быстро забрался Вере под юбку, а девушка не менее проворно расстегнула ему «молнию» на джинсах. Через минуту мужская и женская одежда, включая нижнее белье, вперемешку валялась на полу. По мнению Веры, ее школьный приятель как любовник Лбу и в подметки не годился. А вот на парня девушка, наоборот, произвела огромное впечатление. Сексуального опыта Вере было не занимать. Она настолько поразила парня, что он буквально потерял голову. Последовало объяснение в любви. Парень упал перед девушкой на колени и, обхватив руками ее голые ноги, умолял Веру остаться с ним жить, правда, при этом замуж пока не звал. Веру разобрал смех. Во-первых, само предложение ей показалось смешным, а во-вторых, парень так сильно прижимался к ней, что своими губами и носом касался внутренней поверхности ее бедер. От этих прикосновений Вера испытывала щекотку.

Молчание Веры парень принял за ее колебания. Желая окончательно сразить девушку, он выбежал в другую комнату и вскоре вернулся оттуда с пачкой долларов.

– Ты даже не представляешь, Верка, как мы с тобой заживем, – говорил парень, потрясая в воздухе пачкой денег. – Смотри, сколько я недавно заработал.

У Веры округлились глаза. По ее прикидке, в пачке должно было быть не меньше пяти тысяч долларов. «Значит, в то время как я, красивая девка, и мой приятель перебиваемся

какими-то крохами, этот тип, который даже трахнуть как следует не может, зашибает такие бабки?!» – зло подумала Вера. И тут же мысль об отдельной квартире вспыхнула в ее мозгу.

– Ты вот что, давай прибери тут все и оденься. Пойдем прогуляемся вместе. Если и после этого не передумаешь, я, пожалуй, соглашусь, – заявила Вера.

– Я не передумаю, – уверенно ответил парень.

– Ты одевайся, одевайся, – поторопила его девушка. – А я пока схожу в ванную.

Она действительно прошла в ванную, но мыться не стала, а только открыла воду. На цыпочках, чтобы парень случайно не услышал ее, Вера выскользнула из ванной комнаты и голая прошла на кухню. Здесь она сняла со стены топорик для разделки мяса. Резная деревянная рукоятка удобно легла в ладонь. Спрятав руку с топориком за спиной, Вера вернулась в комнату, где только что занималась любовью. Ее школьный друг уже оделся и сейчас поправлял на кровати смятое покрывало. Пачка долларов все еще лежала на столе. Вера неслышно подкралась сзади и со всей силы обрушила ему на голову кухонный топорик. Топорик был из немецкого набора кухонных инструментов, поэтому заточен оказался на совесть. Высочайшего качества немецкая сталь раскроила теменную кость с первого удара. Парень, правда, все равно успел обернуться, и тогда Вера нанесла второй удар. С рассеченным черепом парень рухнул к ее ногам. Кровь жертвы запачкала убийце лицо, грудь и руки. Вера предполагала, что такое может произойти, поэтому не стала одеваться.

Парень лежал на ковре лицом вниз. Из рубленой раны на его голове непрерывно текла кровь. «Ковер, наверное, уже пропитался насквозь», – почему-то подумала Вера. По внешнему виду парень казался мертвым. Тем не менее Вера нагнулась и пощупала артерию у него на шее. Пульса не было. Вера сбегала на кухню, бросила топорик в раковину и вернулась обратно. Ей надо было еще смыть кровь со своего тела, но оставленная на столе пачка долларов завораживала девушку. Первым делом Вера начала считать деньги. В пачке оказалось не пять тысяч долларов, как Вере показалось вначале, а всего лишь тысяча восемьсот. Вера стала думать, как скрыть следы преступления и отвести от себя подозрение. Она решила, что без помощи Лба ей не обойтись. Было только десять утра. Вера знала, что в это время Лоб еще находится дома. Она позвонила ему. Он быстро приехал. Оценив обстановку, Лоб изумленно присвистнул и посмотрел на Веру уже совсем другими глазами.

К этому моменту Вера уже успела смыть с себя пятна крови, одеться, вымыть оружие убийства и повесить его на место, а также обыскать всю квартиру. Кроме пачки долларов, из-за которой Вера и совершила убийство, она забрала себе и все обнаруженные рубли. Таковых оказалось еще примерно на двести долларов. Таким образом, добыча составила две тысячи долларов. Именно в такую сумму она оценила чужую жизнь.

Вера спокойно выдержала оценивающий взгляд Лба и сказала:

– Ну что смотришь? Помогите лучше.

– Ты замочила? – Лоб показал на убитого парня.

– Он приставать начал, – попыталась соврать девушка.

Но Лоб достаточно хорошо знал свою подругу, чтобы понять, что не поруганная честь, а деньги стали причиной убийства.

– Сколько взяла? – грозно спросил он.

Вера поняла, что обмануть приятеля ей не удалось.

– Не важно, все мое! – заявила она.

– Я спрашиваю, сколько взяла?

По выражению лица своего приятеля Вера поняла, что, если она сейчас же не ответит, Лоб ее ударит. Однажды он уже ткнул девушку кулаком в живот. После того удара Вера не могла откашляться в течение нескольких минут. Лоб объяснил, что тогда он ее только учил, поэтому ударил без всякой силы. Но сейчас все могло быть иначе, и Вера это почувствовала.

– Две тонны, – испуганно выдохнула она.

– Отдашь половину.

– Нет!

– Отдашь, куда ты денешься.

Решив главный вопрос, Лоб сразу успокоился.

– Почему не ушла? – задал он уточняющий вопрос.

– Соседи меня с ним видели, – объяснила Вера. – И во дворе, и у подъезда, когда сюда поднимались. А они меня знают.

– Сейчас там никого нет, – задумчиво проговорил Лоб. – Значит, так, сиди пока здесь, дверь никому не открывай. Я вернусь через полчаса.

Он вернулся через сорок минут. Все это время Вера сидела в квартире рядом с убитым ею человеком. Угрызений совести она не испытывала, только страх, когда думала о возможном наказании. В то же время Вера надеялась на Лба: «Он всегда мне помогал, выручит и сейчас». Лоб привез с собой здоровенный тесак. Выпачкав его в крови убитого, он бросил тесак рядом с трупом. Через пять минут Вера уже звонила в милицию.

Изложенная Верой версия выглядела следующим образом. В квартиру, где она проводила время со своим приятелем, ворвались двое грабителей. Ее заперли в ванной, а приятеля начали пытать и требовать у него деньги. Бандиты убили парня, зарубив его тесаком, после чего обшарили всю квартиру и ушли. После этого ей удалось кое-как открыть дверь ванной комнаты. Увидев труп своего друга, она сразу позвонила в милицию.

Следователь-дознатель, допрашивающий Веру Кольцову, совсем недавно расследовал аналогичное преступление. Двое приятелей находились на квартире одного из них. Там изрядно выпили, повздорили. После чего один заколол другого кухонным ножом. Орудие убийства оказалось на месте, торчало в теле жертвы. Убийца во всем сознался, написал чистосердечное признание и сейчас содержался в следственном изоляторе. Во время предыдущего расследования все было ясно и понятно. Сегодняшнее преступление выглядело намного темнее. Представить восемнадцатилетнюю девушку с ангельским личиком и внешностью куколки в роли безжалостного убийцы, способного двумя ударами тесака раскроить череп своему приятелю, следователь никак не мог. Единственно реальной версией ему показалась та, что изложила подруга убитого. И ориентированные следователем оперативники приступили к розыску несуществующих грабителей-убийц. Правда, подруга погибшего дала очень расплывчатые приметы грабителей. Оставалось надеяться, что на них удастся выйти через милицейскую агентуру. Сняв с Веры свидетельские показания, еепустили. Правда, через неделю снова вызвали в районное отделение милиции, пригласили повесткой.

Лоб, который после совершенного Верой убийства перестал называть девушку Куколкой и теперь именовал Матильдой, решил, что в милицию ей можно идти без опасений.

– Если бы подозревали, повесткой вызывать не стали бы, – сказал он Вере.

Вера пришла. Оказалось, ее вызвали для опознания. У следствия появился подозреваемый, и оперативники хотели выяснить, не опознает ли в нем Вера одного из грабителей. Во время процедуры опознания Вера разыграла целую комедию: «Нет, не он... Хотя постойте... Вроде бы похож... Нет, с уверенностью сказать не могу».

После неудачного опознания подозреваемогопустили, так как серьезными уликами против него следствие не располагало. Задержали его только потому, что кто-то из агентов сказал, будто видел у него тесак, похожий на тот, каким было совершено убийство. Подозреваемый вернулся домой и уже собирался на радостях замахнуть рюмку-другую водки, как совершенно неожиданно к нему в дом заявила участвовавшая в опознании девушка. Имя и адрес подозреваемого Вера выяснила у следователя перед своим уходом из отделения милиции. Совершенно ошарашенному подозреваемому Вера заявила следующее. Следователь ей настоятельно советовал опознать убийцу. Однако она, как честная девушка, не стала лжесвидетельствовать, поэтому сейчас вправе рассчитывать на материальное поощрение, иначе опознание можно и

повторить уже с другим результатом. Подозреваемый оказался настолько напуган коварством следователя, что безоговорочно выложил запрошенную Верой сумму. Вера спрятала деньги в сумочку и гордо удалилась. Этой добычей делиться со Лбом она уже не собиралась.

Вера не догадывалась, что Лоб уже давно размышляет, как можно использовать ее в своих делах. Ни он сам, ни Ржа, ни Гангрена еще никого не убивали, в то время как Матильда-Куколка всего за две штуки замочила парня не моргнув глазом. Однако как следует использовать подружку-убийцу Лоб так и не успел. В конце концов его все-таки арестовали за грабеж. И приятель Матильды отправился отбывать срок в одну из уральских колоний. Подельщики Лба Ржа и Гангрена остались на свободе, но Вера и раньше их не переваривала, а терпела только потому, что они были в команде Лба. Теперь, когда Лоб сел, Вера послала Ржу и Гангрена подальше.

Оставшись без покровителя, Вера Кольцова пополнила собой команду городских проституток. Так она окончательно превратилась в Матильду или Куколку в зависимости от предпочтений своих клиентов. По всем правилам ее должны были обложить данью бандиты. Но этого не произошло. Вера умело распускала слухи, что ее бывший дружок вот-вот должен освободиться. Сейчас, когда Лба не было рядом, Веру защищала его грозная репутация. Никто из рэкетиров не хотел иметь Лба в качестве своего врага.

19

Матильда-Куколка 25.X, понедельник, 22.50

– А тебе не будет много, Куколка? – осведомился бармен, наполняя ее бокал.

– Что?! – Девушка прищурила свои хищные глазки. – Ты меня еще контролировать будешь?

– И без меня есть кому, – ответил бармен и посмотрел в угол бара.

Вера проследила за его взглядом, и ее глаза округлились, а рот даже приоткрылся от удивления. Перетащив свой столик в самый угол, там сидел ее бывший приятель и любовник, предводитель шайки грабителей Лоб. Лоб крутил в пальцах стопку с водкой и сверлил ее пристальным взглядом. Вера медленно сползла с табурета и на ватных ногах направилась к его столику. Почему-то Веру охватил страх, хотя она и не чувствовала за собой никакой вины.

– Ну, здравствуй, – только и смогла сказать она, усаживаясь за столик.

– Чего здесь делаешь? – вместо приветствия спросил Лоб.

– Да вот зашла... Вдруг захотелось вспомнить, как мы с тобой здесь когда-то сидели, – заплетающимся языком ответила Вера.

– Врешь, Матильда! – Лоб неожиданно стал злым. – Это я сидел, а ты в это время по кабакам шлялась да с мужиками трахалась.

– Да ты что, Лоб?! – попыталась изобразить обиду Вера и начала часто моргать, чтобы вызвать слезу.

– Да ладно. Мне твои мужики по барабану, – махнул рукой Лоб. Он подобрел так же неожиданно, как и разозлился. – Расскажи, как живешь.

– Квартиру снимаю. С деньгами, конечно, тяжело приходится, ведь я все время одна да одна.

Вера лгала. Чтобы оплатить квартиру за месяц, ей достаточно было только один раз встретиться с Акопом, а в месяц таких встреч бывало не меньше пяти.

– Значит, говоришь, тяжело приходится, – усмехнулся Лоб.

Судя по дорогой одежде его подруги, она как раз не бедствовала.

Первый испуг прошел. И Вера тоже с интересом разглядывала Лба. «А он похудел», – заметила Вера. Кожа на прежде широком лице Лба высохла и натянулась, черты лица заострились.

– Гангрену и Ржу давно видела? – спросил Лоб.

– Не помню, – пожала плечами Вера. – Я ими не интересуюсь.

– Чем они сейчас занимаются?

– Все так же на рынке пасутся, лохов опускают. Правда, с крутыми связываться боятся. Так, работают по мелочи.

– Что ж ты им не помогаешь? Кореша все-таки, – спросил Лоб и оскалился в ехидной улыбке.

– Больно надо, – фыркнула Вера. – Сдались мне такие кореша.

– Ну ясно. Тебе ведь только те, что с бабками, сдаются.

Вера опять промолчала.

– Расплатись, и идем к тебе.

Лоб поднялся из-за стола, недопитую бутылку водки он положил к себе в карман.

Последнюю фразу Лоб произнес таким тоном, что Вера не посмела возражать. Она бросила взгляд на стол: «Бутылка водки, самой дешевой, какая только имеется в баре. Разбитая рюмка. Никакой закуски. Ну правильно. Он же только что из колонии. Откуда у него деньги?»

Выйдя из бара, девушка вместе со Лбом отправилась на свою квартиру. Квартира у Веры была однокомнатная, отвечавшая всем требованиям ее профессии. Большую часть комнаты занимала широкая кровать, заправленная спадающим на пол покрывалом. Если у большинства людей так выглядит спальня, то у проститутки – ее рабочее место. Лоб и так не строил иллюзий по поводу того, каким образом его подруга зарабатывает деньги на жизнь. Впрочем, именно кровати Лбу сейчас и не доставало. Проведя в заключении больше двух лет, Лоб был лишен женского общества. Сколько раз за это время он вспоминал молодое и гибкое тело своей подруги. В воображении Лба Вера всегда представляла обнаженной. Ее лица он обычно не видел, зато упругие груди с затвердевшими и выпирающими сосками да ее широко раскинутые ноги постоянно возникали у него перед глазами. Сколько раз за время заключения Лоб мечтал о близости со своей Матильдой-Куколкой. И вот наконец-то она оказалась рядом. Лоб ощутил острый сексуальный голод.

– Иди сюда, – он с силой притянул девушку к себе.

Вера почувствовала, как его сильные руки забираются к ней под кофточку и расстегивают пуговицы на блузке. Страсть приятеля начала передаваться и ей. Все-таки Лоб оставался ее лучшим любовником. А уж с хилым Акопом его вообще не стоило сравнивать.

– Не так быстро, – прошептала Вера, почувствовав, как Лоб буквально разрывает ткань ее блузки.

Как раз именно такая неистовость Лба больше всего возбуждала Веру, но сейчас девушка беспокоилась о сохранности своей одежды и нижнего белья. Отправляясь на свидание с Акопом, она надевала все самое лучшее и, следовательно, дорогое. Почему-то, несмотря на свой затрапезный вид, чебуречник умел отличать фирменную вещь от дешевой подделки.

Наконец кофточка и блузка были сброшены. Лоб схватился руками за бретельки Вериного бюстгалтера и рванул их вниз. Вера едва успела расстегнуть на спине застежку, иначе бюстгалтер оказался бы безжалостно разорван.

– Сумасшедший! – вскрикнула девушка, когда Лоб вцепился зубами в ее голую грудь.

Но Лоб уже не слышал ее. Просунув одну руку между ее ног, он приподнял ее в воздух и швырнул на кровать. Сгорая от возбуждения, Лоб, не расстегивая, стянул через голову свою рубашку и схватился за брюки. Вера замерла, вцепившись пальцами в покрывало. Она сама желала своего любовника с не меньшей силой.

– Ну! – нетерпеливо выдохнула Вера, когда Лоб сбросил с себя брюки вместе с трусами.

Как голодный зверь, Лоб набросился на свою подругу. Облегающие лосины были сорваны в один момент. Согнув ноги в коленях, Вера уперлась ступнями в кровать и приподняла ягодицы, чтобы Лбу удобнее было стянуть с нее трусики. Лоб вцепился одной рукой в живот девушки, потом опустил руку и схватился за трусики, при этом на животе Веры остались красные полосы – следы его ногтей. Но Вера, охваченная любовной страстью, не чувствовала боли. Лоб отшвырнул в сторону ее трусики. На какое-то мгновение он замер, разглядывая расprostертое под ним женское тело. Именно в таком виде он и представлял подругу в своих мечтах. Лоб схватил девушку за щиколотки и широко развел в стороны ее ноги.

То, что Лоб увидел между ног девушки, оказалось выше его лагерных фантазий. В действительности подруга оказалась еще желаннее, чем он себе представлял. Волосы на лобке у Веры оказались ровно подстрижены и аккуратно выбриты в форме сердечка. Даже Лоб сумел сообразить, что девушка собственноручно не смогла бы это сделать, здесь потрудились специальный парикмахер. На какую-то долю секунды Лоб испытал укол ревности оттого, что его подруга демонстрировала еще кому-то свои прелести, но сейчас же ревность заглушила волна желания. Лоб уже ничего не видел вокруг себя, кроме этого сердечка из женских волос. Он скользнул руками по ногам девушки и одновременно с этим упал на нее. Вера успела увидеть, как огромный, раздувшийся до невероятных размеров мужской член ткнулся в ее лобок. В то же мгновение она почувствовала, как мужская плоть раздвигает складки кожи вокруг ее вла-

галища и проникает внутрь. Лбу уже было не до любовных ласк, он почувствовал, что может кончить в любой момент. Так и произошло. Уже на пятом тычке он почувствовал извержение. Правда, и после этого его член остался напряженным, и Лоб продолжал ритмичные движения. Но скоро Вера начала ощущать, что плоть ее любовника утратила твердость. Вера попробовала сжать влагалище, чтобы продлить столь приятное ощущение, но от этого мужской орган, наоборот, выскользнул из нее. Девушка была разочарована. Она с недоумением и нескрываемой обидой взглянула на своего приятеля, который раньше мог заниматься с ней любовью по несколько часов.

– Чего смотришь, Матильда? Мало? – усмехнулся Лоб. – Не переживай, будет тебе и еще. А пока лучше организуй пожрать. Да можешь не одеваться, сейчас продолжим, – добавил Лоб, заметив, как Вера потянулась к трусикам. – Просто пока накинь на себя что-нибудь.

Лоб не обманул. После ужина, наспех организованного Верой, они продолжили постельные занятия. Лбу потребовалось совсем мало времени на восстановление сил. Уже через полчаса он ощутил новую волну возбуждения. Да и Вера, разгуливающая перед ним в коротеньком шелковом халатике, надетом на голое тело, всячески этому способствовала. Когда Вера складывала в раковину грязную посуду, Лоб подошел к ней сзади и, задрав халатик, обхватил руками ее ягодицы. Девушка повернулась к нему, при этом ее халатик распахнулся, и Лоб смог снова лицезреть тело своей подруги. Вера сама сбросила халатик с плеч, и он соскользнул к ее ногам. Когда Лоб потянулся к ней для поцелуя, Вера обвила руками его шею и, запрыгнув на него, обхватила ногами за поясицу. Девушка начала тереться о тело любовника своим телом, тем самым еще более возбуждая его. Не опуская девушку на пол, Лоб снова перенес ее на кровать.

На этот раз любовная игра продолжалась долго. Сменяя позы, любовники предавались страсти несколько часов. Вера показала своему приятелю все, на что она была способна. При помощи рук, груди, бедер и языка она быстро приводила его член в возбужденное состояние. Дальше следовали несколько минут тесного совокупления. Когда Вера чувствовала, что ее партнер вот-вот кончит, она прерывала акт, чтобы сменить позу и дать своему любовнику паузу для передышки. Только окончательно удовлетворившись сама и доведя своего партнера до полного экстаза, Вера позволила ему наконец разрядиться. Партнеры обессиленно упали в объятия друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.